

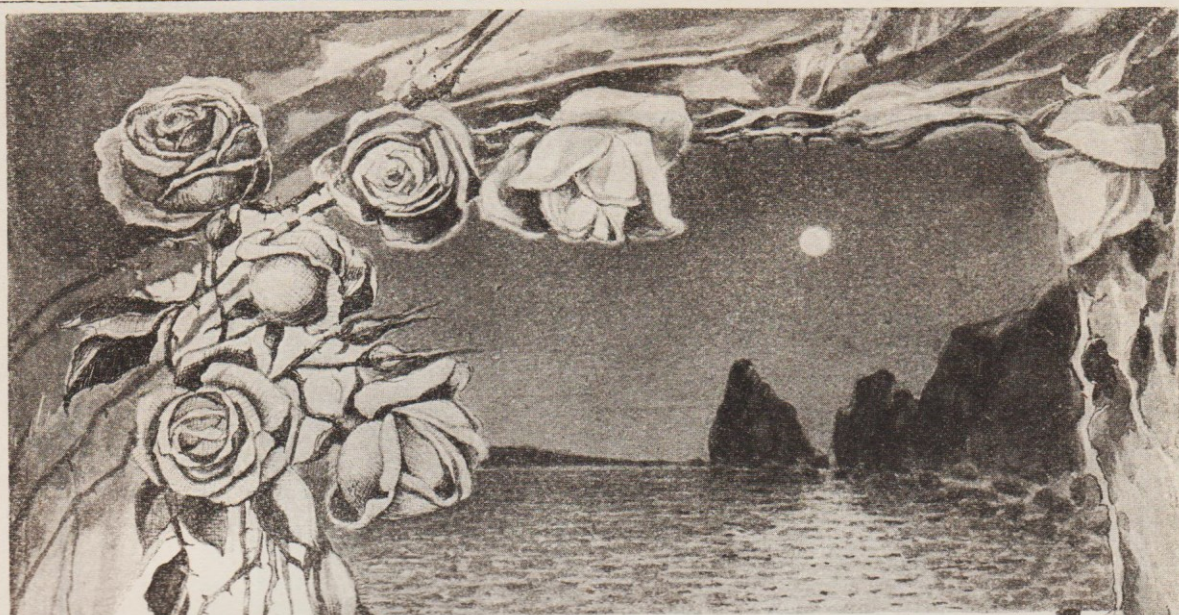

Кузнецъ

ЧЕЛОВѢКЪ и ПИЩЕТА

1915 г. Пробужденіе № 8-й

Мм. Зам.
Мм. Грина.
Мм. Раина

Колыбельная.

„Глазки не смыкаются. Что тревожить славную?
Дѣвочка родимая, думаешь опять?
Пѣсенку спою тебѣ тихую и плавную —
Будешь спать?

Въ городѣ мятущемся глазки удивленные —
Жизнь такая странная, какъ ее поймешь?
Люди утомленные, знѣями спаленные,
Бури или радости? Правда или ложь?..

Посмотри, какъ ласково звѣздный пологъ свѣтится!
Ангельскихъ окошечекъ много, много тамъ...“
И боюсь мучительно съ дѣтскимъ взоромъ встрѣтиться:
Вѣрить-ли робѣющимъ, ласковымъ словамъ?..

Что могу я, Господи? Самъ во мглѣ страдающій,
Какъ могу навѣять ей нѣгу свѣтлыхъ сновъ?
И пою тоскующей, и пою незнающей
Пѣсенку — безъ словъ...

Георгій Казаровъ.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ.

Знаменитый русский историкъ.

Къ 30-лѣтію со дня смерти.
1885—1915.

Слѣпой.

Я живу на шестомъ этажѣ, безъ окна,—
И не знаю, что рѣветъ надъ міромъ весна.
Какъ могила, душѣ эти стѣны и склепъ.
Говорятъ:—Ну, къ чему ему окна?—онъ слѣпъ!..

Да, конечно, я—слѣпъ... Для чего мнѣ окно?..
Безъ окна и съ окномъ будетъ такъ же темно.
Для слѣпого не нуженъ ласкающій свѣтъ,
Для сознанья его этой радости нѣтъ.

Но хочу я въ окно воздухъ вешній вдыхать,
Но хочу я въ окно шумъ колесъ услышать!
Но хочу, чтобы вѣтеръ въ открытомъ окнѣ
Колыхалъ занавѣски, ласкаясь ко мнѣ!..

Александръ Балагинъ.

Христось.

Солдаты на полъ брани
Лежалъ и умиралъ...
Къ нему Христось явился
И такъ ему сказалъ:

— Мой сынъ, тебя утѣшу,
Склонись ко мнѣ на грудь
О жизни злой, грѣховной,
О жизни позабуди!

Изъ крови твоей алой,
Какъ изъ моей крови,
Что пролилъ я въ страданьи,
Взрастутъ цвѣты любви.

Умолкнуть грозы битвы,
Блаженный встанетъ миръ...
Утѣшься тутъ со мною
О сынъ мой, ты не сирь...

И. Гриневская.

Въ разоренномъ селеніи.

Выстрѣлы и залпы быстро отзвучали.
Гдѣ-то впереди и далеко кричать.
Стало какъ-то ново все, не какъ вначалѣ.
Многихъ подобрали. Многие молчать.

Скоро похоронять всѣхъ, кто стойко бился,
Кто за край родимый свѣтлой жертвой сталъ.
Мальчикъ пятилѣтній странно наклонился
У избы разбитой: мертвъ. Онъ воевалъ?..

Валеріанъ Ф.

Затменіе.

Разказъ Е. Н. Чирикова.

I.

...Итакъ, рѣшено: студентъ Смоляниновъ женится! На этотъ разъ рѣшеніе безповоротное, окончательное, потому что никогда въ жизни и никого еще онъ не любилъ такъ, какъ любить теперь. Да, это какая-то новая, неиспытанная любовь, поглотившая Смолянинова съ головой. Такъ оно и должно быть: она, Валентина Владимировна, это—исключительная дѣвушка. Такихъ онъ не встрѣчалъ до сихъ поръ. Она—не красавица. Нѣтъ, не думайте! Вы можете, встрѣтись съ ней на улицѣ, пройти мимо и не замѣтить. Надо съ ней заговорить, надо немного остановить на ней вниманіе. Вотъ тогда... Именно такъ происходитъ со всѣми, кто... Ивановъ—влюбленъ, Абашидзе—близокъ къ самоубійству, философъ Крестовоздвиженскій сдѣлался поклонникомъ Шопенгауэра. А, вѣдь, раньше—ноль вниманія! Валентина Владимировна—положительно несчастный человѣкъ: всѣ, кто повращаются въ ея обществѣ, начинаютъ преслѣдовать ее своей любовью. Удивительные люди! Какъ будто-бы можно заставить дѣвушку полюбить себя всѣми этими фокусами: одинъ надоѣдаетъ стихотворными посвященіями, другой пугаетъ самоубійствомъ, третій донимаетъ философскими разговорами. Слепота! На что они всѣ надѣются, когда на каждомъ шагу Валентина Владимировна даетъ понять, что она минимумъ «предпочитаетъ» душевную близость съ нимъ, Смоляниновымъ. Непередаваема прелесть ея улыбки, ея взглядовъ, источающихъ особенную ласковую притягательную силу, ея голоса. Голосъ у ней... надо его послушать издали: это что-то такое, такое... не передашь этого! Говоритъ она, впрочемъ, мало: она очень застѣнчива и это такъ идетъ къ ней! Смоляниновъ любитъ такихъ, застѣнчивыхъ, женственныхъ, кроткихъ, но... гордыхъ и самостоятельныхъ женщинъ, обладающихъ силою воли и характеромъ. Какъ-то дуракъ Абашидзе вылупилъ на нее свои нахальные глаза и... однимъ словомъ, такъ порядочный человѣкъ не можетъ смотрѣть на женщину! Валентина Владимировна, конечно, покраснѣла, но не растерялась и говоритъ:

— Когда вы, Абашидзе, начинаете такъ смотрѣть на меня, мнѣ кажется, что вы хотите меня зарѣзать!

Идіоты! Не могутъ понять, что любовь сама приходитъ, какъ высшій даръ небесъ, а вовсе не... Однимъ словомъ—глупо...

Съ такими мыслями ѣхалъ студентъ Смоляниновъ въ невѣдомый для него край на Уралъ, гдѣ проводила лѣто Валентина Владимировна, ранней весной уѣхавшая на родину. Онъ ѣхалъ почти женихомъ. Правда, о женитьбѣ у нихъ никогда не было разговора, но развѣ въ

любви необходимо все договаривать до конца? Они обмѣнялись фотографическими карточками, они переписывались, и то, что было написано между строчекъ, отлично умѣли читать. Смоляниновъ ни на одну минуту не сомнѣвался, что Валентина Владимировна любитъ его и отлично понимаетъ, что такъ властно заставило ихъ: одного просить о разрѣшеніи пріѣхать, а другую—разрѣшить. Дѣло рѣшено: Смоляниновъ женится!

Ѣхали-ли вы когда-нибудь къ своей невѣстѣ, которая живетъ тысячи за двѣ версты отъ васъ? Незыяснимая прелесть! Смоляниновъ ѣхалъ на пароходѣ по Камѣ и все время чувствовалъ себя Иваномъ-царевичемъ, отправившимся выручать прекрасную царевну изъ замка злого волшебника. Далеко! Въ тридесятомъ царствѣ-государствѣ, въ невѣдомой для него странѣ спряталось его счастье. Злымъ волшебникомъ представляются Смолянинову родители Валентины Владимировны, которыхъ онъ никогда не видалъ. Было радостно сидѣть подѣ теплымъ вѣтеркомъ на носу парохода и смотрѣть въ ту сторону, гдѣ живетъ зазнобушка, лелѣя въ душѣ сладкую тайну свою. И приятно было, укладываясь въ койку въ каютѣ, думать, что день прошелъ, и Смоляниновъ сталъ еще ближе къ Валентинѣ Владимировнѣ. Мѣрно потрясываясь, койка словно баюкаетъ, а заглушенный шумъ пароходныхъ колесъ все нашептываетъ о близости огромнаго счастья... Кама кончилась, и поѣздъ, какъ сказочный коверъ-самолетъ, понесъ Ивана-царевича дальше. Летѣлъ степями, летѣлъ лѣсами, летѣлъ горами и вотъ уже начиналась невѣдомая заколдованная страна. Поѣздъ то катится по узкой дорожкѣ вдоль крутыхъ скалъ и бездна разверзается справа, то онъ—змѣей вползаетъ въ самую нѣдра скалъ и погружается въ ночную темноту, а потомъ вылетаетъ, какъ птица, въ царство яркаго свѣта, изумрудныхъ долинъ, бурливыхъ рѣкъ и голубыхъ озеръ. Сказочная страна. Именно въ такой странѣ могутъ родиться такія удивительныя дѣвушки, какъ Валентина Владимировна!

II.

Вотъ онъ, городъ, гдѣ живетъ царевна! Тоже странный, необыкновенный. Теплый вечеръ наполненъ музыкой изъ раскрытыхъ оконъ, таинственно свѣтящихся привѣтливыми огнями сквозь узорную листву деревьевъ. Улицы широкія, чистыя, и весь городъ—точно новый, рожденный въ горахъ по мановенію жезла волшебника. Посреди города огромный прудъ, съ дрожащими въ немъ звѣздами. Словно въ зеркало, смотрятся въ него посребренные молодымъ мѣсяцемъ бѣлыя облака, проплывающія медленно за горы.

— Куда васъ доставить?

— Гостиница «Ураль».

Вотъ она, эта гостиница, рекомендованная въ письмѣ Валентиной. Дѣйствительно, прекрасная гостиница, сверкающая окнами трехъ этажей, какъ замокъ во время пиршества. Все великолѣпно: и вестибюль, и коридоры, и самый номеръ съ балкономъ, съ котораго виденъ голубой прудъ съ сверкающими въ немъ звѣздами. Но дѣло, однако, не въ этомъ. Надо отыскать Валентину Владимировну. Завтра—солнечное затменіе, а они уговорились въ письмахъ ѣхать на какое-то озеро въ горахъ и тамъ встрѣчать восходъ солнца и наблюдать его затменіе. Онъ долженъ былъ пріѣхать еще вчера, но запоздалъ съ выѣздомъ на цѣлыя сутки. Изъ-за портного! На цѣлыя сутки изъ-за

портного! Чортъ-бы его побралъ! И все-таки пиджакъ сидитъ неважно: передѣлалъ, кажется, изъ кулька въ рогожку...

Смоляниновъ, облачившись въ чесучовую пару, осматривалъ себя въ зеркалѣ, въ шляпѣ и безъ шляпы, а коридорный, возясь около умывальника, сообщалъ ему:

— Сегодня у насъ большое волненіе: затменіе солнца ожидается! Народу пріѣхало много. Ученые пріѣхали.

— Какъ сегодня? Развѣ у васъ дважды восходитъ солнце? Затменіе—завтра?

— Вѣрно, а только сегодня всѣ поѣдутъ встрѣчать его... Оно, затменіе, рано поутру будетъ. Вы, должно быть, тоже на затменіе къ намъ пріѣхали?

— Да, на затменіе.

— Издалека-ли?

— Почти за 2000 верстъ!

— Вонъ, вѣдь, какъ! А тамъ, у васъ, разя не бываетъ этого?

— У насъ-то... Гм! Иногда... Случайно...

— А что такое? Почему оно, затменіе? Правильно говорятъ, что луна загораживаетъ?

— Вѣрно, вѣрно! Послѣ объясню, а сейчасъ тороплюсь. Некогда. Выскочилъ изъ гостиницы и очень быстро отыскалъ квартиру своей невѣсты. На звонокъ вышла баба въ повязкѣ и сказала:

— Никого дома нѣтъ.

— Не можетъ быть!

— Бабушка одна, да она глухая.

— А Валентина Владимировна?

— Въ собраніе на музыку уѣхали всѣ. А какъ вамъ фамилія? Не про васъ-ли она говорила?

— Смоляниновъ.

— Такъ оно... Она наказывала, если вы спросите, послать васъ туда, куда...

Долго объяснялись. Наконецъ-то, разобрались! Оказалось, что Валентина на концертѣ какого-то заѣзжаго баритона. Оборвалъ разговоры, взялъ извозчика и помчался въ «Благородное собраніе» на концертъ. Въ раздѣвальнѣ—какъ у Свѣтлой заутрени: давка, говоръ, толкотня, голыя руки, плечи, запахъ духовъ, пудры, шелестъ шелка. Растерянный и взволнованный, Смоляниновъ протолкался къ вѣшалкамъ, и здѣсь случилась смѣшная исторія: зацѣпилъ пуговицей за кружево женскаго платья, что-то оборвалъ, кому-то наступилъ на ногу. Кругомъ смѣялись, а барышня разсердилась. Впрочемъ, и она расхохоталась, когда незнакомый растерявшійся юноша, оборвавши кружево, снова зацѣпилъ, на этотъ разъ за золотую цѣпочку вѣера! Только тутъ Смоляниновъ разсмотрѣлъ дѣвушку и какъ-то внезапно оторопѣлъ.

— Вы положительно медвѣдь! Бѣлый медвѣдь!

— Простите, но...

— Ну, оторвите пуговицу! Какой вы—ненаходчивый!

Кругомъ—хохоть. Кавалеръ дѣвушки уже вынулъ перочинный ножичекъ, но они расцѣпились. Хорошенькая! цыганскаго типа. Глаза—черные и острые, волосы—какъ у негритянки, губы яркія, не закрываются; сверкаютъ зубы. Довольно оригинальное лицо...

Шли вверхъ по лѣстницѣ. Смоляниновъ позади. Обернулась и, узнавъ Смолянинова, насмѣшливо сверкнула улыбкой и стримасни-

чала, подбирая рукой шелестящее платье. У кассы Смоляниновъ замѣштался и потерялъ цыганку. Дешевыхъ билетовъ не было, пришлось взять кресло въ третьемъ ряду...

Концертъ уже начался. Смоляниновъ, желая показать себя культурнымъ человѣкомъ, остановился у колонны, въ проходѣ, чтобы не беспокоить пока разсѣвшихся разыскиваніемъ своего мѣста. Стоялъ у колонны, какъ Чацкій, попавшій съ корабля на балъ, и искалъ глазами Валентину Владимировну. Трудно было отыскать, потому что видны были только затылки и прически. И все-таки, словно, почувствовал! Узналъ-таки! Странно, что не обрадовался, а какъ-то смутился и опечалился. Не понравилась прическа, измѣнившая все лицо Валентины. Зачѣмъ она завилась? Зачѣмъ эта копна волосъ, сдѣлавшая голову несоразмѣрно большой для ея фигуры въ общемъ? Точно не та, другая стала. Въмѣсто радости въ сердцѣ копошилась досада, раздраженіе и разочарованіе. Въ антрактѣ подошеть. Валентина Владимировна вспыхнула и растерялась, заговорила про баритона, словно въ появленіи Смолянинова не было ничего необычайнаго...

— Надолго сюда?

— Я? Мм... Не знаю.

— Мама! Позволь познакомиться: студентъ Смоляниновъ!

— Очень пріятно!

Мать очень похожа на Валентину, но... Можетъ быть, и Валентина въ будущемъ будетъ такая-же?.. Смоляниновъ мелькомъ взглянулъ на мать и она ему не понравилась. Рядомъ съ матерью и Валентина какъ-то потеряла то обаяніе, которое производила такъ недавно.

— Вы перемѣнили прическу... Напрасно. Я васъ не узналъ.

Валентина Владимировна ничего не отвѣтила, только сдѣлалась серьезной и холоднѣе. Почувствовалась неловкость. Смоляниновъ заговорилъ о солнечномъ затменіи и спросилъ, собираются-ли они на блюдать.

— Да. Мы ѣдемъ большой компаніей молодежи на острова горнаго озера. Если хотите, то... Отсюда всѣ—къ намъ, а затѣмъ на лошадахъ и на лодкахъ.

Прозвенѣлъ второй звонокъ, и Смоляниновъ разстался и пошелъ отыскивать свое мѣсто. Онъ страшно смутился, почти испугался, когда отыскивая свое кресло, издали замѣтилъ цыганку, за которую зацѣпился у вѣшалокъ. Посматривая на нумера кресель, Смоляниновъ понималъ, что его мѣсто вонъ тамъ, рядомъ съ цыганкой. Растерянно пробирался онъ въ тѣсномъ ряду межъ креслами, задѣвая чужія ноги и колѣни, все ближе къ цыганкѣ. Та узнала его и опять ухмыльнулась, прикрывая лицо распушеннымъ вѣромъ.

— Виновать! — пробурчалъ Смоляниновъ, остановившись со склоненной головою около своего кресла. Цыганка метнула на него насмѣшливый острый взглядъ и, убирая съ кресла бисерную сумку, бросила красными губами:

— Хорошо, что не съли. Мерси!

Пѣлъ баритонъ, пѣло контральто, потомъ снова баритонъ, но Смоляниновъ не слушалъ и только дѣлалъ видъ, что слушаетъ. Все время онъ чувствовалъ близкое присутствіе насмѣшливой хорошенькой цыганки, хотя не поднималъ на нее ни разу глазъ. Что-то беспокоило его пріятной тревогою. Беспокоило каждое движеніе сосѣдки, каждый шелестъ ея платья, кончикъ ея ботинки, который какъ-то назойливо лѣзъ Смолянинову въ скромно опущенные глаза. Боти-

А. Макавскій.

„НАДОѢЛА“.

ночка пошевеливалась, вздрагивала на ней бантик. Не хотѣлось слушать, но было жаль, что концертъ долженъ скоро кончиться...

III.

«Три карты, три карты, три карты!»—вертѣлось потомъ въ головѣ Смолянинова. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ трехъ встрѣчахъ было что-то общее съ тремя картами изъ «Пиковой дамы». Первая встрѣча у вѣшалокъ, затѣмъ сосѣдство кресель въ концертѣ и, наконецъ, теперь, въ домѣ невѣсты... Приѣзжаетъ туда послѣ концерта и, къ ужасу, находитъ среди многочисленной молодежи, готовящейся въ путешествіе на солнечное затменіе, ее, цыганку, острую на глаза и языкъ! Та широко раскрыла черные глаза и вдругъ расхохоталась.

— Вы незнакомы? Позволь тебѣ, Оля, представить...

— Да мы уже не только познакомились, а даже рассердились другъ на друга...

— Какъ? Когда?—изумленно спросила Валентина Владимировна.

Смоляниновъ началъ объяснять и дѣлалъ это, какъ провинившійся гимназистъ, а черная Оля смѣялась и острила.

Эта третья встрѣча внесла въ душу Смолянинова хаосъ переживаній, въ которомъ трудно было разобраться. Ну, чего онъ испугался? А главное, почему онъ почувствовалъ радость при этой встрѣчѣ? И досаду, и радость, и виноватость свою передъ Валентиной Владимировной? Въ сущности, вѣдь, пока они оба совершенно свободны, ничего другъ другу не общали, никакихъ словъ не давали; они просто пока друзья, товарищи, симпатизирующие другъ другу люди...

— Смоляниновъ! Скажите ваше имя! Мое—Ольга... Сергѣевна.

— Меня зовутъ—Олегъ Николаевичъ.

— Одинаково?!

— Какъ одинаково?

— Вы—Олегъ, а я—Ольга. Если-бы я была мужчиной, я была-бы Олегомъ!

У воротъ стояло нѣсколько паръ лошадей, запряженныхъ въ долги. Здѣсь шелъ дымъ коромысловъ: устраивали сидѣнья, покрывали ихъ коврами, бурками, подушками отъ дивановъ, укладывали корзины съ провизіей и виномъ. Всѣхъ путешественниковъ было: восемь женщинъ и семь мужчинъ и всѣ довольные и радостные, за исключеніемъ Смолянинова, который чувствовалъ себя чужимъ, пришлымъ элементомъ. Все незнакомая публика. Лучше-бы остаться, не ѣхать. Но... что-то мѣшаетъ рѣшить и сказать:

— Я не ѣду.

Жаль отказать, потому что... не увидишь солнечнаго затменія. Почти полное затменіе. Это бываетъ такъ рѣдко.

— Посмотрите, Олегъ Николаевичъ, какъ я закоптила стекло! Смотрите на лампу!

— Вы? Стекло?..

— Ну, возьмите-же въ руки!

Взявъ отъ цыганки закопченное стекло, посмотрѣлъ не той стороною, испачкался въ сажѣ. Надо ѣхать, а онъ...

— Вотъ медвѣдь! Идите, я покажу вамъ умывальникъ!

Повела его коридорчикомъ къ умывальнику, бросила ему на руки полотенце...

— Смоляниновъ! Гдѣ вы?—зоветъ издали голосъ Валентины.

— Мы умываемся!—отвѣчаетъ цыганка.

И опять Смоляниновъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ Валентиной. И сердится на нее. Странно! Въ чемъ она-то виновата?

Всѣ готовы, разсѣлись. Ждутъ ихъ двухъ, Смолянинова и Ольгу. Подшучиваютъ и острятъ:

— Имъ просто хотѣлось сѣсть вмѣстѣ!

Вышло похоже на это. Валентина, онъ, цыганка и ея кавалеръ, на что-то сердитый, чѣмъ-то недовольный. Выѣхали изъ города, развязали колокольчики и помчались! Сибирскія лошади—какъ вѣтеръ. А вѣтерокъ есть. Крутить по дорогѣ пыль, лѣзетъ въ носъ, въ ротъ и въ глаза. По небу ползаютъ тучи. Пахнетъ дождемъ.

— Господа! Никакъ погода разгуливается! Не вернуться-ли?

— Наплевать! Все равно. Что вы, сахарный, что-ли? Вѣдь, не растаете?—сердится цыганка на своего концертнаго кавалера.

— Мнѣ все равно! Я беспокоюсь за васъ, Ольга Сергѣевна.

— Прошу не беспокоиться. Я вамъ не давала на это права!

— Прекрасно! А потомъ—кашель, бронхитъ, воспаленіе легкиихъ.

— Чахотка!—добавляетъ цыганка, накрываясь чернымъ платкомъ, и напѣваетъ пѣснь больной Виолетты...

Не нравится Смоляникову этотъ заботливый господинъ: очень ужъ того... таеъ и затѣмъ очень ужъ того... смотритъ на сосѣдку какъ-то этакъ. Однимъ словомъ—субъектъ не изъ симпатичныхъ, а совсѣмъ напротивъ. Удивительно, если этотъ субъектъ, дѣйствительно, того... нравится Ольгѣ Сергѣевнѣ. Плохой вкусъ! Выѣхали за городъ и помчались, сломя голову, съ криками, визгами, съ хохотомъ. Дѣвчата—отчаянныя, особенно Ольга Сергѣевна. Свиститъ, какъ ямщикъ, толкается, поетъ... Недурный голосокъ! Сверкаютъ у ней въ темнотѣ глаза и зубы, смѣются глаза, и Смоляникову неловко: почему смѣются черные глаза, когда встрѣчаются съ его глазами? Кавалеръ Ольги ѣдетъ въ молчаливомъ созерцаніи, поглядываетъ на сосѣдку и уныло вытягиваетъ: «Очи черныя, очи жгучія...». Такъ прозрачно, неумно и пошловато! Неужели онъ ей нравится?

— Вы надолго пріѣхали?..

— Виновать, Валентина Владимировна! Вы что спросили?

— Ничего. Пустяки.

— Я задумался...

— Думайте! Я не хочу мѣшать.

Ольга смѣется и начинаетъ декламировать:

—...Да призадумалась, а сыръ во рту держала.

На ту бѣду лиса близехонько бѣжала...

А на первой парѣ поютъ «Славное море, священный Байкалъ»,—поютъ громко, но нестройно. Вѣтеръ бѣжитъ навстрѣчу по дорогѣ и крутитъ пыль. Гдѣ-то очень далеко погромыхиваетъ громъ, словно ворчатъ потемнѣвшія дали. Смоляниновъ смотритъ на Валентину Владимировну: отвернулась, смотритъ въ одну точку, какъ-то жметя и кусаетъ губы. Въ профиль она—некрасива. На нее надо смотрѣть въ анфасъ. Что она? Сердится? На что?

— Валентина Владимировна?

— Ну!

Головы не поворачиваетъ и продолжаетъ смотрѣть въ одну точку. О чемъ онъ хотѣлъ заговорить съ Валентиной? Забылъ! Вылетѣло изъ головы. Встрѣтился взоромъ съ Ольгой, посмотрѣвшей на него смѣющимися глазами, и вдругъ забылъ.

— Ну! Вы что хотѣли?..
— Вы... почему вы грустная?
— Я всегда такая.
— Нѣтъ. Неправда.
— Я не грустная, а обыкновенная... Почему вы думаете, что я—
грущу? Вы въ этомъ увѣрены?
— Миѣ показалось...
А Ольга косится и напѣваетъ:

—Миѣ грустно оттого, что весело тебѣ!

На что сердится Валентина Владимировна? Смоляниновъ ни въ чемъ не виноватъ, но это мѣшаетъ ему чувствовать себя хорошо, спокойно и безопасно, какъ чувствуютъ другіе. Ольга, эта странная озорница, должно быть, что-то знаетъ: все подсмѣивается надъ Валентиной и имъ, Смоляниновымъ. Но что она можетъ знать? Знать-то нечего! Быть можетъ, онѣ—настолько дружны и близки, что Валентина давала ей читать его письма? Это уже того... подлость. Да, въ сущности, и въ письмахъ никакихъ особенныхъ словъ, объясненій не было. Смоляниновъ подозрительно посмотрѣлъ на цыганку и спросилъ:

— Вашъ другъ, Валентина Владимировна, что-то молчалива...

Ольга повернулась, посмотрѣла на Смолянинова смѣющимися глазами и заплѣла:

—О, другъ мой! Мы будемъ съ тобой молчаливы...

Странная дѣвица! Все время разговариваетъ романсами.

— Гроза будетъ...—грустно прошептала Валентина и вздохнула.

А Ольга опять поетъ:

—Будетъ буря, мы поспоримъ и поборемся мы съ ней!..

IV.

Въ полночь пріѣхали на озеро, наняли лодки и поѣхали на острова. Подуваль вѣтеръ, била встрѣчная волна и лодки ныряли, то поднимая, то опуская носы, а паруса кренили ихъ такъ сильно, что порой вода захлестывала бортъ, лилась на лавку, подъ сидѣнье, и производила веселый переполохъ среди женщинъ. Какъ изваяніе, неподвижно и молчаливо, сидѣла Валентина на носу лодки и, казалось, никого не хотѣла знать, смотря впередъ, не оборачиваясь и не принимая участія въ шумномъ обществѣ. Упрекомъ вѣяло отъ этого молчаливаго изваянія въ душу Смолянинова, который сидѣлъ на кормѣ, опять въ близкомъ сосѣдствѣ съ озорницей Ольгой, какъ это вышло,—что они очутились опять рядомъ, Смоляниновъ не помнить и не понимаетъ. Во всякомъ случаѣ,—онъ не старался. Случилось такъ. Помимо всякихъ стараній. И опять тутъ-же этотъ кавалеръ. Возлежить у ногъ Ольги. Ольга позволила ему положить голову на колѣни... Нахаль! Это ужъ того... Слишкомъ ужъ прозрачно. Можетъ быть, онъ ей родственникъ? Подъ свѣтомъ изрѣдка выглядывающаго изъ-за тучъ мѣсяца Смоляниновъ успѣваетъ замѣтить, что нахаль блаженно закрылъ глаза и, какъ котъ на солнышкѣ, растворяется въ блаженствѣ отъ близости. Противно... Неужели онъ ей нравится? Почему, однако, это такъ занимаетъ и беспокоитъ Смолянинова? Какое ему дѣло и не все-ли равно, кто ей нравится!

— Эй вы, господинъ хорошій! Вы, однако, того... моя нога не подушка!

Наконецъ-то! Поняла, что это... это... просто неприлично въ обществѣ. Кавалеръ приподнялся и, потягиваясь и позѣвывая, притворился, что онъ очнулся отъ сна. Во снѣ, конечно, нельзя взыскивать съ человѣка. Сонный! Должно быть, у нихъ—взаимная антипатія; оба совершенно игнорируютъ другъ друга. На передней лодкѣ веселѣе: тамъ поютъ, хохочутъ, трещать безъ умолку, а здѣсь только одна Ольга нарушаетъ общую молчаливость и неподвижность. Что-то тайно совершается на этой лодкѣ съ неподвижнымъ молчаливымъ изваяніемъ на носу. Всѣ это чувствуютъ и отъ этого—молчаніе. Въ молчаніи уходитъ и приходитъ любовь, въ молчаніи рождается ревность и ненависть, въ молчаніи тоскуетъ и радуется душа, тоскуетъ по утратѣ и радуется находкѣ. Только Ольга, одна Ольга, звонко хохочетъ, шалитъ, какъ дѣвочка, и смѣющимися глазами смотритъ на всѣхъ окружающихъ. Опустивъ обнаженную по локоть руку за бортъ, она играетъ съ волной, поетъ пѣсню, побѣдно озираетъ мрачное темное озеро съ бѣлыми гребешками катящихся навстрѣчу волнь, и, какъ царица среди рабовъ, чувствуетъ себя въ молчаливой лодкѣ... Смоляниновъ все чаще взглядываетъ на эту безпечную дѣвушку-озорницу. Тянетъ она къ себѣ! Какая-то странная непонятная сила сокрыта въ этой женщинѣ съ смѣющимися глазами. Вотъ поетъ она и поетъ какую-то смѣшную глупенькую пѣсенку, а отъ нея, отъ этой пѣсенки, у Смолянинова тревога на душѣ и во всѣмъ тѣлѣ. Вотъ смотритъ она на Смолянинова, и тотъ виновато опускаетъ взоръ; заговорить съ нимъ—вздрогнетъ и теряется. А на носу все рисуется неподвижное изваяніе молчаливой женщины и съ тайнымъ упрекомъ смотритъ въ его смущенную душу...

Пріѣхали на острова, выгрузились, разожгли огромный костеръ съ вихрями огненныхъ струй, побѣдно взлетающихъ подъ вѣтромъ высоко къ небесамъ. Разсѣлись вокругъ бушующаго огня, окруженные ближе подступившей со всѣхъ сторонъ черной завѣсой ночи. Громоздятся поблескивающіе слюдяными прослойками огромные камни, около которыхъ пылаетъ огонь; подступаютъ со всѣхъ сторонъ огромныя сосны, протягивая мохнатая лапы къ невѣдомымъ нарушившимъ ихъ уединеніе безпокойнымъ людямъ; вокругъ глухо ворчитъ взволнованное озеро. Словно дикари пируютъ вокругъ огня, праздная побѣда надъ бѣлыми! Appetitъ, какъ у голодныхъ волковъ. Только нѣтъ аппетита у двоихъ: Смолянинова... и Валентины Владимировны.

— Господа! Кому вина?

Вотъ вина Смоляниновъ выпьетъ.

— Валентина Владимировна! налить вамъ?—спрашиваетъ Смоляниновъ.

— Хорошо. Давайте!

Налилъ. Валентина бросила пытливый взглядъ въ лицо Смолянинова и, чокаясь бокаломъ, спросила:

— За что выпьемъ?

— Мм.. я—за ваше здоровье!—смущенно произнесъ Смоляниновъ, опуская глаза въ бокаль.

— Я и такъ здорова... Очень ужъ прозаично.

Подбѣжала Ольга, оборвала интимность и, чокаясь съ Смоляниновымъ, пропѣла:

—Бутылочки—бомъ, бомъ, бомъ! Бокальчики—динь, динь, динь!

И все вылетѣло изъ головы и сердца Смолянинова!

Валентина тихо пошла прочь, къ берегамъ озера, и скоро пропала

въ черномъ мракѣ ночи, а Ольга осталась. Начали пѣть хоромъ студенческія пѣсни, потомъ прыгали черезъ огонь костра. На Ольгѣ заплѣлось платье. Смоляниновъ тушилъ его, не жалѣя своихъ рукъ, которыя обжегъ, а Ольга смѣялась и покрикивала на него.

— Эй вы, господинъ хорошій! Помогите ему!—приказала она своему кавалеру, а тотъ не захотѣлъ:

— Я не пожарный!

— Но вы... агентъ страхового общества!

Всѣ расхохотались удачною остротѣ, потому что кавалеръ былъ, дѣйствительно, страховымъ агентомъ. Подняли его на смѣхъ.

— Я подозрѣваю здѣсь умышленный поджогъ и потому...

— Я съ васъ никакихъ убытковъ не взыскиваю. Смоляниновъ, хотите, пойдемъ погулять къ озеру?

— Почему-же!..

— Дайте руку! Здѣсь камни...

Пошли въ черную мглу ночи къ ворчащимъ берегамъ озера. Тамъ увидели издали одинокую фигуру Валентины, сидящей на камнѣ, подъ сосной, и какъ-то сразу, словно по молчаливому согласію, повернули въ другую сторону. Долго шли молча. Въ этомъ молчаніи было что-то сильно волнующее, пугающее Смолянинова. Нѣсколько разъ онъ оглядывался назадъ и говорилъ:

— Кажется, кто-то идетъ...

Приостанавливались. Ольга тоже оглядывалась. И въ этихъ обоюдныхъ оглядкахъ была какая-то пріятная тайна, связывавшая двѣ молодыя души непонятной близостью. Не знали, о чемъ говорить.

— Не знаете, почему Валентина такая грустная?

— Не знаю.

А оба уже знали. Лгали другъ другу.

— Правда? Говорятъ, что вы... ея женихъ?

— Я? Кто-же это говорить? И почему.

Смоляниновъ раздраженно размѣялся и почувствовалъ злость къ Валентинѣ Владимировнѣ...

— Такихъ жениховъ, вѣроятно, у ней много. Мы просто друзья и больше... ничего!

Ольга замолчала. А потомъ потихоньку замурлыкала:

— Люблю-ли тебя, я не знаю, но кажется мнѣ, что люб-лю-ю!

Поднимая съ земли камешки, бросала ихъ въ бурливое озеро и заставляла то же дѣлать Смолянинова. Кто бросить дальше? Потомъ чего-то испугалась, прошептала «это онъ!» и, подхвативъ подъ руку Смолянинова, повлекла его въ скалистые камни...

— Кто?—шопотомъ спрашивалъ Смоляниновъ.

— Да этотъ... агентъ! Онъ такъ мнѣ надоѣдаетъ съ своей любовью!..

— Вотъ какъ! А я думалъ...

— Что вы думали! Ну! Говорите, что вы думали?

— Нѣтъ... такъ...

— Бойтесь сказать, что вы думали?

— Я думалъ, что... вы его любите.

Ольга засмѣялась страннымъ смѣхомъ, посмотрѣла насмѣшливыми глазами въ глаза Смолянинова и сказала:

— Мы оба ошиблись! Да?

— Да!

Вѣтеръ шумѣлъ въ соснахъ и бурливѣе становилось озеро. По небу все гуще ползали тучи. Онѣ уже давно проглотили мѣсяць и стало темно-темно. Въ черной мглѣ по горизонтамъ вспыхивали зарницы молній и громъ ворчалъ все ближе и ближе.

— Ольга-а!—кричалъ вдали женскій голосъ.

— Идемъ! Насъ хватились.

Пошли къ костру. Сбились съ тропы, пришлось лазить черезъ мохнатые камни, помогать другъ другу. Странно дрожали ихъ горячія руки, когда они помогали другъ другу перебираться черезъ препятствія, и головы кружились у нихъ, когда нечаянно имъ приходилось соприкасаться другъ съ другомъ...

— Какъ это смѣшно: я—Ольга, а вы—Олеги!.. Вы довольны, что мы... встрѣтились?

У костра было тихо. Разложивъ бурки и ковры, молодежь валялась и сидѣла въ красивой группѣ, освѣщаемая вздрагивающимъ отблескомъ пылающаго костра. Шумное настроеніе смѣнилось тихимъ, созерцательнымъ. Одни дремали, другіе, тѣсняя другъ къ другу, тихо переговаривались.

— Кто меня звалъ?—спросила Ольга.

Здѣсь никто не звалъ. Должно быть,—Валентина, которой здѣсь не было.

— Ольга Сергѣевна! Хотите поѣхать со мной на лодкѣ?—прозвучалъ мрачный голосъ страхового агента.

— Мерси. Я устала...

— Кто хочетъ со мной поѣхать?

Никто не отвѣтилъ. Предъ разсвѣтомъ притихъ вѣтеръ и перестали шумѣть сосны. Костеръ догорѣлъ. Загудѣли комары. Ахъ, эти проклятые комары! Нѣтъ отъ нихъ спасенія. А такъ хочется немножечко поспать! Прохладно. Хочется закрыться съ головою отъ комаровъ, отъ холодка, отъ дымящаго костра. Ольга постояла въ раздумьи и, сладко потянувшись, капризно спросила Смолянинова:

— Развѣ мы пріѣхали сюда спать?

Повернулась и тихо пошла прочь, рисуясь во мракѣ темнымъ стройнымъ силуэтомъ. Ушла. Смоляниновъ смотрѣлъ ей вслѣдъ и словно кто-то шепталъ ему на ухо:

— Я жду тебя!

Но что-то мѣшало. Оглянулся по сторонамъ. Тихо. Всѣ погружены въ дрему. Только на камняхъ торчитъ, какъ Мефистофель Антокольскаго, побѣжденный соперникъ... Силуэтъ Ольги пропалъ изъ виду, а тяготѣніе продолжалось. Смоляниновъ всталъ, пошевырять палкой угли костра, закурилъ папиросу, посвистѣлъ и тихо побрелъ прочь, но не въ ту сторону, куда ушла Ольга. Потомъ онъ свернетъ... Блѣднѣлъ востокъ, туманы заколыхались надъ озеромъ; запищали проснувшіяся птицы, пролетѣли надъ головою, дружно шумя крыльями, вороны. Стали выплывать изъ темноты дальнія горы, контуры лѣсовъ и скалъ. Стали розовѣть тучки по горизонту. Теперь уже никуда не спрячешься. Все ярче разгорается утренняя заря; вода, горы, скалы и лѣса наряжаются въ красочныя одежды ко встрѣчѣ солнца... А вотъ и солнце! Всплыло багровымъ огненнымъ кругомъ и стало золотиться. И все вокругъ радостно засіяло улыбками, радостью, счастьемъ...

— Боже мой, какъ хорошо! Какъ въ сказкѣ. Сказочный, чудесный край!—шепталъ Смоляниновъ, снявъ шляпу предъ сверкаю-

щимъ солнцемъ, и думаль, что только въ такомъ сказочномъ краю могутъ совершаться такія чудеса, какое случилось съ нимъ. Развѣ это не чудо: эта странная встрѣча съ дѣвушкой необыкновенной красоты, и развѣ не чудо, что они, раздѣленные двумя тысячами верстъ, все-таки нашли другъ друга? Они должны были найти—и нашли. Да, теперь Смоляниновъ вѣрить въ судьбу и благословляетъ природу и все мірозданіе. Ему кажется, что и затменіе солнца было предначертано свыше, чтобы они нашли другъ друга...

Проснулись тамъ, у костра! Оттуда доносится хоръ, поющій:
Солнце всходитъ и заходитъ...

Радостно несется хоръ и кажется, что въ горахъ, по ту сторону озера, ему вторитъ другой молодой хоръ! Какъ это красиво! Какая радость въ этой пѣснѣ и въ этомъ сверкающемъ утрѣ!

— Олегъ Николаевичъ!

— Ольга... Сергѣевна...

Смоляниновъ смутился и покраснѣлъ. Встрѣча была такъ неожиданна. Развѣ онъ искалъ этой встрѣчи? Нѣтъ...

— Дайте мнѣ руку! Боюсь упасть.

— Какъ вы туда забрались?

— И сама не знаю...

Смоляниновъ вскарабкался на скалы и сѣлъ рядомъ съ Ольгой.

— Правда, здѣсь хорошо?

— Да...

— И какъ хорошо, что... мы встрѣтились!

Ольга взяла острорезный камешекъ и стала имъ царапать на скалѣ: «Л».

— Угадайте по одной буквѣ!

— «Люблю?»

— Да...

— А, знаете, кого?

— Нѣтъ.

— Смотрите!

Ольга нацарапала «Т».

— Не понимаю...

— Недогадливый... Те-бя! Ну!

Вспыхнула, закрыла глаза и приблизила лицо...

Смоляниновъ коснулся губами горячей смуглой дѣвичей щеки, потомъ схватилъ тонкія руки и сталъ покрывать ихъ поцѣлуями...

— Господа! Затменіе началось!—прокричалъ вдали чей-то встревоженный голосъ...

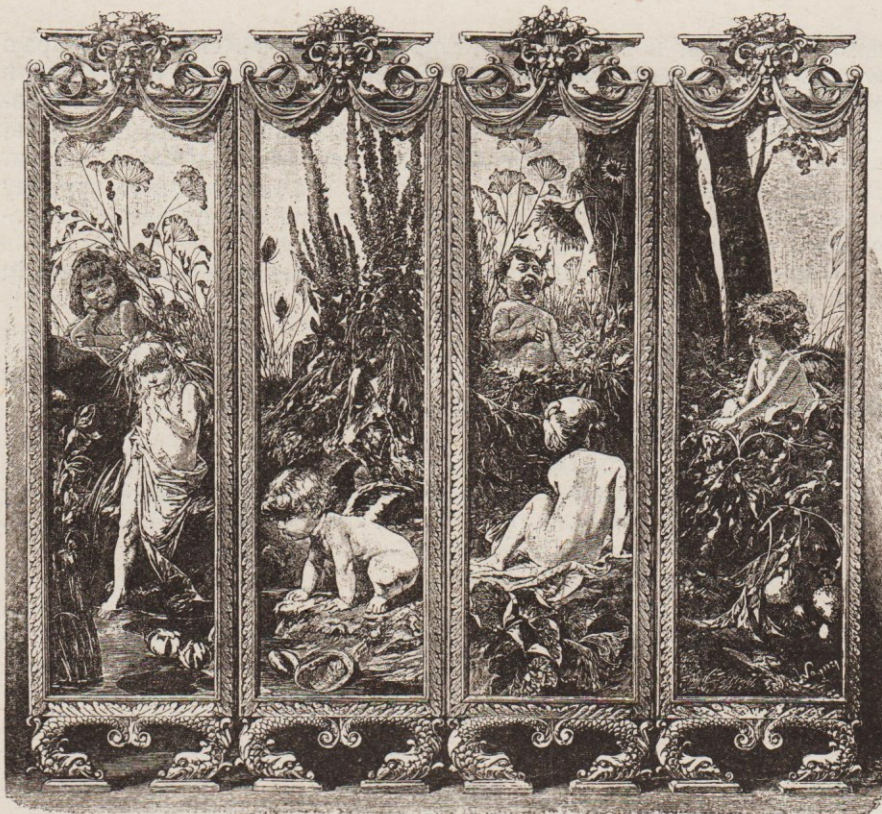
Они вздрогнули и испуганно отодвинулись другъ отъ друга.

Смоляниновъ осмотрѣлся по сторонамъ.

На скалистыхъ огромныхъ камняхъ рѣзко рисовалась на голубомъ фонѣ небесъ фигура, похожая на Мефистофеля Антокольскаго...

Евгеній Чириковъ.

Ф. Вагнеръ.

ЛѢТО.

Божій міръ.

Прохожу я по полю глубокой межей.
Солнце жарко горитъ въ высотъ голубой.
Воздухъ дышетъ травой и цвѣтами.
Отъ скрипучихъ колесъ по дорогѣ большой
Подымается пыль облаками.

Преде мною село потонуло въ садахъ,
Вьется рѣчка вдали, и въ прозрачныхъ струяхъ
Словно въ зеркалѣ все отражаетъ,
А по глади полей на ея берегахъ
Колосистая рожь дозрѣваетъ...

Боже мой, какъ прекрасенъ Твой міръ!
Сколько въ немъ
Разливается звуковъ и пѣсень кругомъ!
Славословить Тебя всюду каждая тварь.
Человѣкъ-же—вѣнецъ мірозданья,
Этотъ червь, этотъ богъ и властительный царь—
Лишь одинъ преисполненъ страданья.

С. Дрожжинъ.

Ф. Прадила.

НИМФА.

Да будет воля Твоя.

Рассказъ О. Д. Орликъ.

I.

Прошло мое время, и я покорно склоняюсь передъ тобой...

Гудить, жужжить, шуршить пестрая толпа масокъ. По свѣтлымъ заламъ, темнѣющимъ коридорамъ волнующій шопоть, дразнящій смѣхъ, тайные призывы...

Въ буфетной комнатѣ собранія душно, накурено; шумно. Подъ старымъ мутнымъ зеркаломъ въ потускнѣвшей позолоченной рамѣ—столикъ съ накрытымъ ужиномъ и откупоренными бутылками шампанскаго. Николай Погудовъ сидитъ противъ зеркала и ловить мутныя отраженія спящей толпы.

Лавируя между столиками легкими движеніями, скользить бѣлый атласный Пьеро въ золотистыхъ кудряхъ и красныхъ туфелькахъ на стройныхъ ногахъ. У Николая глаза блестятъ и искрятся, какъ у волка, почуявшаго богатую жадную добычу. Торжествующая побѣдная улыбка незамѣтно притаилась на его подвижномъ нервномъ лицѣ и золотыми лукавыми искорками перебѣгаютъ въ большихъ карихъ глазахъ. Лаской и желаніемъ обдаеть его взглядъ всѣхъ женщинъ, льнущихъ къ нему. Ему весело и забавно, — когда женщины, какъ перепелъ на приманку, — ловятся на его нѣжныя слова, вкрадчивыя интонаціи и славу объ его смѣлой удали. Вотъ и сейчасъ—рядомъ—такое пикантное личико, все розовое отъ возбужденія. Черные глаза горятъ и дразнятъ, а чувственныя ярко-алыя губы манятъ и сулятъ блаженство. И тутъ-же бѣлый атласный Пьеро все ближе и ближе переставляетъ свои ножки въ красныхъ туфелькахъ. Вотъ Николай уже чувствуетъ легкое прикосновеніе къ плечу, волнующій аромат цикламены и слышитъ грудной вибрирующей голосъ:

— Такъ вотъ онъ, Николай Погудовъ! Я о тебѣ знаю очень—о-о-чень много,—больше, чѣмъ ты думаешь.

У Николая сверкаетъ въ глазахъ огонекъ, перебѣгаетъ улыбкой на губы и раздвигаетъ рядъ острыхъ цѣпкихъ зубовъ. Какая-то торжествующая радость успѣха и побѣды искрится въ каждой черточкѣ и сверкаетъ цѣлымъ снопомъ лучей въ расширенныхъ зрачкахъ.

— Ну, что-же ты хорошаго обо мнѣ знаешь, Пьеро? Расскажи. Онъ ласково и крѣпко захватываетъ ручки атласнаго домино.

— И про твои коварныя каверзы я, вѣдь, тоже немало слышалъ. Пьеро загадочно смѣется.

— Ты думаешь, только хорошая слава о тебѣ бѣжить? Я разное знаю. Съ чего-бы начать?

— А ты начни, а я ужъ знаю, чѣмъ кончу. Тамъ видно будетъ.

— Начну съ того, что ты остановился въ 42-мъ номерѣ, а я въ 6-мъ, это совсѣмъ въ противоположномъ направленіи, и наши пути не сойдутся.

Погодовъ шуточно перевернулъ ножъ и бросилъ задорную фразу:

— А я сказалъ—сойдутся.

— Я знаю твою силу,—но скажу тебѣ такъ: перебѣжать мой путь—возможно, но скрестить его—никогда. Еще не было въ моей жизни, чтобъ кто-нибудь захватилъ его безъ остатка.

Погодовъ поставилъ еще разъ ножъ ребромъ, и тонъ его звучалъ значительно и властно:

— Такъ будетъ!.. Это сказалъ Николай Погодовъ!

— Бу-удеть бу-уря! Мы поспоримъ и поборемся мы съ ней!

О, какъ это звучало изъ-подъ кружева маски! А въ мозгу покотился припѣвъ давно забытой дѣтской сказочки: «я отъ дѣдушки ушелъ, я отъ бабушки ушелъ, я отъ зайчика ушелъ...».

Да, онъ угадалъ... Это была Сана-Ксенія Павловна. За балованную грацію, вкрадчивую ласковость и неожиданныя дикости и странные порывы ее звали бѣлочкой и тигрынькой. Это звучало нѣжно и иногда царапалось. Этого онъ еще не зналъ.

Властный, задорный тонъ Николая Погодова, многое слышанное о немъ, возбужденіе маскарада, выпитое шампанское—все это сладкимъ хмельнымъ дурманомъ бросилось ей въ голову, закружило вихремъ мысли, взбунтовало кровь. Нужно было взять Николая въ плѣнъ во что бы то ни стало. Горячій туманъ волновался въ мозгу, сладостно томилъ нервы и обжигающей волной разливался по всему тѣлу.

Сана вкрадчиво говорила сдавленными волнующими нотами:

— Побѣдить еще не значитъ царствовать. Я готова покориться, но когда я покорна—я властвую, запомни это хорошенько, Николаенка Погодовъ!

Его лучистые глаза горѣли предчувствіемъ радости,—но, жадные, они косились украдкой на сосѣдку безъ маски. Открытое розовое личико сверкало лукавствомъ и трепещущими поцѣлуями. Безразличная маска покрывала тонкій овалъ лица Саны, блѣдную страстность отточенныхъ чертъ, манящую бездну глазъ—и только острые клинки сверкали изъ-подъ кружева маски. Позиція невыгодная. Сана боялась еще одной, болѣе опасной женщины—тамъ—въ залѣ, окруженной роємъ поклонниковъ.

— Я сейчасъ...

Ксенія Павловна неожиданно вскочила и скользнула въ шелестящую толпу. Ее тотчасъ узнали, закружили, завертѣли, зашутили. Она со смѣхомъ отнѣкивалась, отбивалась и видѣла, какъ Николай Погодовъ украдкой слѣдилъ за всѣми ея движеніями. Ловко лавируя, онъ пробрался сквозь тѣсное кольцо въ ложу, куда забилась Ксенія Павловна. И чарующимъ жестомъ, смѣлымъ и властнымъ, взялъ ее подъ руку и увлекъ за собой.

— Домой, домой безъ возраженій!

Сана смѣялась вибрирующимъ смѣхомъ.

— Да какъ вы смѣете такъ распоряжаться мной?!

— Молчать, когда я говорю!—шуточно грозилъ Николай и тащилъ ее къ столику подъ зеркаломъ.

Пили, дурачились, изощрялись въ остротахъ. Было хмельно, безпричинно смѣшно, возбужденно-радостно. Рѣшили идти домой. Мигомъ одѣлись у вѣшалки. Въ сибирскихъ мохнатыхъ шапкахъ и мѣховыхъ дохахъ стали похожи на медвѣдей и пушистыхъ бѣлокъ. Причудливы Рождественскія святки!

Николенька Погудовъ шаловливо тащилъ Сану за мохнатый рукавъ. Перебѣжали черезъ дорогу, очутились въ большомъ освѣщенномъ вестибюлѣ гостиницы. Въ костюмѣ Пьеро Саночкѣ легко прыгать по ступенькамъ лѣстницы, но не успѣла она взбѣжать на верхнюю площадку, какъ Погудовъ очутился рядомъ подъ руку, какимъ-то ловкимъ ухарскимъ движеніемъ сбросивъ доху на руки швейцарамъ.

Красивый, забавный и ловкій жестъ привелъ Саночку въ восторгъ. Опять смѣялись. Шутили легко и радостно. Какъ будто на крыльяхъ взлетѣли по отлогой лѣстницѣ прямо въ номеръ Ксеніи Павловны. Въ темнотѣ очутилась къ крѣпкихъ объятіяхъ у Николая, почувствовала на губахъ пьянящій поцѣлуй. Какъ будто налетѣлъ горячій вихрь, закружилъ голову, помутилъ мозгъ. Было хмельно, лихо, томяще, сладостно... Какой-то восторгъ легкой радостной волной вливался въ организмъ и заставлялъ вибрировать каждую жилку.

— Тутъ-тукъ-тукъ-тукъ...—застучали каблучки по коридору, ворвался смѣхъ, ввалилась маскарадная компанія. Мигомъ повернули выключатель, и въ комнатѣ поплылъ пурпурный волнующій свѣтъ отъ темно-краснаго абажура. Неуловимыя глупости въ воздухѣ. Шопоть и лукавые смѣшки. Въ альковѣ что-то шуршало, шелестѣло, безтолково смѣялось. Двѣ женщины помогали другъ другу стаскивать маскарадные костюмы. Сана вышла изъ-за занавѣски, закутанная въ бѣлый халатикъ, похожій на греческій хитонъ. Путала шнурки хитона, смѣялась задорно, объясняла, что она сегодня въ эллинскомъ настроеніи, и увѣряла, что за занавѣской притаились вакханки,—вотъ-вотъ выпорхнуть и запляшутъ въ колеблющемся красномъ свѣтѣ. Смѣялись и подтрунивали надъ Саночкой и ея эллинскимъ настроеніемъ. Наконецъ, рѣшили расходиться. Погудовъ задержался послѣднимъ, и, цѣлуя руку Саны, чуть слышно шепнулъ:

— Я вернусь, вотъ въ залогъ!—И движеніемъ, неуловимымъ, ему одному свойственнымъ, шаловливымъ и ухарскимъ, бросилъ на столъ свою мохнатую сибирскую шапку.

Когда коснется счастье—человѣку становится доступно все великое и малое, горящее пламя и холодъ неподвижнаго камня, пѣсня птицы, дыханіе вѣтра, шопоть былинки...

Сана обнимаетъ его колѣни, закрываетъ глаза и шепчетъ:

— Я люблю тебя... Люблю тебя... Люблю твои глаза, твой пьянящій ротъ, твои руки, такія ласковыя и властныя. Ты не знаешь, какъ я люблю тебя. Можешь дѣлать со мной, что хочешь. Можешь замучить, я не буду жаловаться, только улыбнусь.

Темные горящіе глаза глубоко смотрятъ въ душу. Откуда-то изъ глубины лучится неизъяснимый свѣтъ, и со дна души возникаетъ что-то прекрасное, волшебное, чему нѣтъ названія, полное глубины и очарованія.

II.

Позднимъ вечеромъ за ужиномъ, золотистымъ янтаремъ искрится пѣнистое вино. Ха-ха-ха,—смѣются звенящіе бокалы, и пьянымъ хме-

лемь радость разсыпается вокруг. Сана смотреть въ милое измѣнчивое лицо, и тайная тревога отражается въ ея глазахъ. Настанеть день, когда Николенька будетъ чужой, и великая печаль разольется въ ея сердцѣ.

Она знала, что наступить этотъ часъ, но не могла приготовиться къ нему. Глаза горѣли, ноздри нервно вздрагивали. Сана встала, прошла по коврику и тихо, точно крадучись, приблизилась къ Николаю. Спрашивала мягкими ласкающими интонаціями. Голосъ чуть переливался и звенѣлъ дрожащей струной:

— Скажи, Николенька, ты уйдешь отъ меня, — я знаю, — ты не вернешься. Скажи, моя свѣтлая радость, — нѣтъ, не надо словъ, ты только улыбнись.

Какое-то особенное, ищущее, ясное выраженіе было въ ея глазахъ. Нѣмая мольба, затаенный страхъ, бездонная любовь. Но Николай не видѣлъ этихъ глазъ. Онъ молча куриль и задумчиво слѣдилъ за струйками сизаго дыма. Безпечно отвѣтилъ:

— Ты-же знаешь, Кисынька, что я принадлежу другой по праву и по множеству другихъ обстоятельствъ, быть можетъ, крайне нелѣпыхъ, но имѣющихъ неодолимое реальное значеніе.

Что-то поднялось со дна души Саны.

— Ахъ, Николай, берегись, — я могу задушить тебя въ такія минуты, — я не шучу, — вотъ такъ!

Съ молніей гнѣва въ глазахъ она подняла руки съ тонкими острыми ногтями и неожиданнымъ прыжкомъ кинулась на Николая. Ловкимъ движеніемъ поймалъ онъ въ воздухѣ ея занесенныя руки, съ нервной силой сжалъ ихъ у кистей до боли. Сана тихо вскрикнула, рванулась. Глаза ихъ сверкали, и скрещивались взгляды, какъ клинки стали. Неожиданно Сана нагнулась, впустила свои острые зубы въ Николенькину руку. Погуловъ засмѣялся, встряхнулъ плечами и одинъ за другимъ поцѣловалъ зажатые кулачки Саны...

Все замерло въ груди у Саны. Въ поцѣлуяхъ Николеньки была власть непобѣдимая. Трепетъ блаженства прошелъ по нервамъ. Колдующимъ движеніемъ, покорнымъ и женственнымъ, она прильнула къ Николенькѣ...

— Можно умереть отъ твоихъ поцѣлуевъ, — шепталъ онъ, опьяненный...

Ласки его дышали зноемъ... Пламя и вихрь неслись въ его любви...

Сана сидитъ на коврикѣ въ наскоро накинутомъ халатикѣ. Теплая, еще сонная дрема окутываетъ порозовѣвшее отъ сна лицо. Темное золото волосъ спуталось вокругъ щекъ, отчего тонкое личико кажется дѣтскимъ. Глаза у нея о чемъ-то молятъ. Николенька наклоняется къ ней тревожно и любовно:

— Ну, что? Ну, что?

Сана улыбается, закрывая глаза, но ему больно отъ этой улыбки. Нѣжно ласкаетъ онъ волнистые волосы.

— Я вернусь, — говоритъ онъ со странной печалью. — Я вернусь. Зачѣмъ ты мучишь себя?

Крикъ отчаянія сдавленъ у нея въ груди. Сана знаетъ, что Погуловъ больше не вернется.

Сана молила безсвязными, беспомощными словами. Жизнь мелькала и дрожала передъ ней. Мысли путались и расплывались въ мозгу тоскующими образами. Страстная жажда погибающаго счастья нестерпимымъ отчаяніемъ охватила сердце. Ужасъ одиночества, разби-

тых надежд, печали и грядущих страданій, какъ стая мятущихся птицъ—пронеслись передъ ней. Онъ знала, что Николенька больше не вернется.

Утонченность ихъ отношеній, неизъяснимая глубокая нѣжность, пламенная страсть объятій, духовныя цѣнности—и даже ея острая красота съ печатью обреченности, призывающая къ мистическимъ ласкамъ и безднамъ экстаза—все это поблѣднѣетъ передъ «нелѣпыми обстоятельствами, имѣющими неодолимое реальное значеніе».—Гдѣ-то тамъ былъ законъ съ его буржуазной моралью. Была жена, удобно устроившая жизнь. Сана знала, что Николенька не любить и по свойству своей натуры не можетъ любить женщину съ узкой мѣщанской душой, съ пошлыми измѣнами ищущей самки. Съ мелкимъ расчетомъ, въ силу котораго она цѣпляется за удобства положенія, прикрытаго закономъ. Но кто-же изъ мужчинъ способенъ жить повышенной красотой, праздникомъ чувствъ, уйти изъ будней сѣрыхъ тягучихъ, засасывающихъ своей пошлостью, но удобныхъ и имѣющихъ «неодолимое реальное значеніе»?

И Николай Погузовъ, съ его буйнымъ темпераментомъ, съ каскадомъ остроумія на улыбчатыхъ губахъ, съ непобѣдимой властью обаянія въ самой природѣ. Ахъ, ни въ комъ даже зло не бываетъ такъ привлекательно, ничьи глаза такъ не сверкаютъ всѣми переливами черныхъ брилліантовъ. Сана съ подавленнымъ стономъ заламываетъ руки...

И все это потускнѣетъ, расплывется въ трясинѣ ничтожной суеты, пошлыхъ достижений и рабства буржуазнаго благополучія...

Мысли, обостренныя жгучей обидой и горькимъ недоумѣніемъ, расплавляютъ сердце. Широко-открытые глаза полны горячей гнѣвной страсти, блеска и изумленія...

III.

Пришли дни безудержной скорби и несчастій. Сана осталась одна... Ломая руки, лежала часами, стиснувъ зубы. Какъ безумная, бродила во мракѣ, въ ненастьи. Блаженствомъ казались истязанія въ мрачные вѣка въ сравненіи съ той мукой печали, одиночества и утраченнаго счастья, что она носила въ душѣ. Многія чувства, непонятныя раньше, открылись ея духовной правдѣ. Чувства униженныхъ, отверженныхъ, безпріютныхъ скитальцевъ... И смирялась гордая душа, какъ нищенка, передъ своей судьбой... Сана, измученная, падала на постель, искала сна и забвенія. И снилось ей, что она плачетъ и во снѣ слышитъ свои рыданія. Просыпалась съ сухими глазами, но что-то билось и рыдало въ ней. Казалось Санѣ, что она достигла послѣдней глубины несчастія. Душа молила о чемъ-то, молила... И все же не хотѣлось гасить страданій. Они врасли въ душу. И душа темнѣла и закалялась.

Снѣжная вьюга завихрила ея земную жизнь, забушевала, разметала накопленныя цѣнности. Она не могла ни о чемъ думать, ни о чемъ заботиться. Дѣла пришли въ упадокъ. Не все-ли равно? Все глубже и глубже зарывалась и запутывалась въ гущѣ жизни. Рука судьбы сурово оттачивала ея лицо. Глубокая складка сдвинула смѣлыя брови. Горящіе глаза затаили свой свѣтъ. Сурово сжатые губы спугнули улыбку, полную обаянія и сверкающаго торжества. Блескъ ея прежняго очарованія погасъ въ представленіи окружающихъ людей. Сана стискивала зубы и ходила замкнутая, молчаливая и равнодушная

ко всему, что бы о ней ни думали, что бы ни говорили... Какъ нищая королева, изгнанная изъ своего царства, скиталась всѣмъ чужая, враждебная и странная. Ходила съ высоко поднятой головой, боясь проронить затаенныя рыданія. Въ своей недосыгаемости молча встрѣчала вражду и скрытое торжество тамъ, гдѣ видѣла раньше поклоненіе, разсыпанную радость, когда она появлялась съ свѣтлой улыбкой и ласковымъ смягченнымъ сердцемъ. Кто пойметъ, что она, оскорбленная и напуганная, дрожитъ и терзается жаждой прекраснаго, тоской о невозможномъ, промелькнувшемъ, какъ сказочное очарованіе, какъ оброненная мечта, какъ гордый нѣмой призывъ?..

Остановливалась иногда въ скорбномъ недоумѣніи: не шла-ли моя жизнь среди призраковъ?.. Цвѣли луга, облитые солнцемъ, зеленѣлъ лѣсъ, пѣли птицы, звенѣли ручьи, я шла съ руками, полными цвѣтовъ, и протягивала ихъ просящимъ. Любила буйное ликованіе, радость смѣха. Ярко горѣла моя душа и жила ослѣпительными обманами. Такъ низко и безразсудно склоняла свою мятежную голову. Изъ призраковъ создавала волшебныя, какъ мигъ, очарованія. Яркимъ костромъ разгоралась моя жизнь... Мнѣ страшно... Мрачныя тѣни поднимаются изъ его пламени. Ползуть. Надвигаются... Въ груди буря, смятеніе и затаенный страхъ...

И вотъ однажды, когда гасла вечерняя заря, на небѣ зажигались звѣзды и загадочно мерцали въ темной, глубокой безднѣ,—грозная волна военныхъ кличей и призывовъ прокатилась по затихшимъ улицамъ. Назрѣло что-то огромное, шумно заволновалось и слилось въ общую рѣку и могучимъ потокомъ помчалось къ великой цѣли, смывая на пути все суетное, сегодняшнее, такъ скоро проходящее.

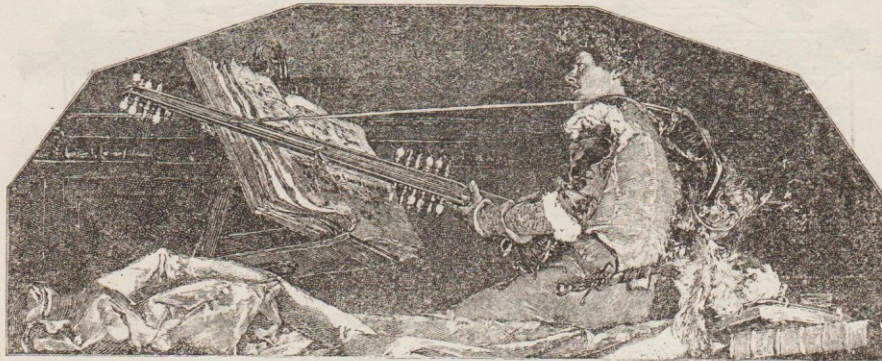
Сана вскочила на постели съ бьющимся сердцемъ и слушала шумы жизни, что катились мимо ея оконъ. Сана вдругъ поняла, что эта живая, грозная рѣка человѣчества несетъ съ собой отцовъ, мужей, жениховъ, братьевъ, близкихъ, близкихъ... Туда, на далекія вражескія поля они идутъ проливать свою кровь, умирать, метаться въ агоніи и мукахъ. Холодный ужасъ сжалъ сердце. Хотѣлось кричать, стонать, броситься въ грянувшую грозу и молить человѣчество отказаться отъ кровавыхъ ужасовъ. Сана вскочила, заметалась по комнатѣ. Подбѣжала къ окну, распахнула, протянула руки въ толпу, и горестный вопль ея израненной души слился въ общемъ гулѣ и потерялся.

Пришло чудо. И вотъ, Чародѣй коснулся сердца Саны. Отъ боли, обиды и страданій каменѣло оно,—но по камню ударилъ мечъ, и искры посыпались изъ камня. Сана поняла, что самое несчастіе несетъ съ собой очарованіе. Глухая тоска одиночества, горечь неудавшихся мечтаній, подавленное пламя стремленій, большія дерзанія и ихъ неудачи—горитъ въ нихъ душа, закаляется, а изъ-подъ пепла бьетъ новый живой родникъ. Сана смотритъ впередъ невидящими глазами, и въ духовномъ озареніи они искрятся страннымъ свѣтомъ и сіяютъ лучами. Въ душѣ звучатъ новые призывы, зажигается жажда большихъ гармоній, иныхъ радостей жизни.

«Per aspera ad astra» *),—вспоминаетъ Сана давно забытый девизъ и просвѣтленная идетъ навстрѣчу новой жизни.

Ольга Орликъ.

*) Черезъ воздухъ къ свѣтиламъ.

Ф. Прадилла.

Въ мажорномъ тонѣ.

ДОНЪ-КИХОТЬ.

На дрянной трусить кляченкѣ
Донъ-Кихоть,—видѣ величавый
И сіяетъ профиль тонкій
Свѣтомъ доблести и славы.

Будь оружье, конь и равный
Врагъ по мужеству,—мишенью
Не служилъ-бы рыцарь славный
Ни насмѣшкамъ, ни глумленью:

Правды ищетъ онъ, съ мечтою
Міръ исправить, зло караетъ,
Только—жаждетъ міръ покоя,
Безмятежно спать желаетъ.

Рыцарей, принцессъ въ поминѣ
Нѣтъ на всемъ пространствѣ міра—
Бабы, мужики... Въ долинѣ
Замки—жалкіе трактиры.

Жалокъ, бѣдный міръ, прекрасный
По романамъ и по слухамъ.
И смѣшонъ для всѣхъ несчастный
Рыцарь правды—нищій духомъ.

Даже толстый жирный Санчо,
Какъ и всѣ, надъ нимъ смѣется.
За безумцемъ изъ Ла-Манча
Раболѣпно самъ плетется.

Грязь и пошлость жизни шумной
Губятъ силы, пыль проходитъ,
Для людей все то безумно,
Что изъ ряду вонъ выходитъ.

Рыцарь правды—вдохновенье,
Онъ порой, въ часы раздумья,
Неудачъ и униженья,
Сознаетъ свое безумье.

Но опять по бездорожью
Бѣдетъ вѣрный другъ народный:
Ищетъ, ищетъ правду Божью
Рыцарь правды благородный.

Разумъ скаредный, вздыхая,
Слѣдомъ тащится съ мошною,
Злобно онъ ворчитъ, мечтая
Жизнь прожить на счетъ героя.

Дальше, рыцарь,—въ путь-дорогу,
Все впередъ... Пусть смѣхъ встрѣчаетъ.
Будетъ время—будетъ много
Тѣхъ, кто правдой жить желаетъ.

Л. Андрусонъ.

Добрая бабушка.

Разсказъ В. В. Брусянина.

Эта добрая бабушка, кажется, только одна и осталась въ разоренной галиційской деревнѣ. Взрослые мужчины забрали женъ и малолѣтнихъ дѣтей и бѣжали въ лѣса, а кто и на югъ перебрался, подалеже отъ войны; дѣвушки ушли съ отцами, боясь остаться среди прусскихъ и австрійскихъ солдатъ и офицеровъ: молва уже принесла грозныя вѣсти о томъ, какъ пруссаки и австрійцы въ другихъ деревняхъ вербовали себѣ наложницъ. Подростки и юноши отъ 17 до 20 лѣтъ не испугались войны и ея ужасовъ: одни изъ нихъ взяли на себя роль добровольцевъ-развѣдчиковъ и, зная окрестности, не мало пользы принесли русскимъ разъѣздамъ и дозорамъ; другіе вооружились австрійскими и прусскими винтовками, подобравъ ихъ на полѣ брани, и вступили въ ряды войскъ добровольцами.

И никто не могъ сказать, куда же дѣвались старики и старухи деревни Меньшіе М...

Климентъ Проевъ умеръ еще за мѣсяць до войны, а жена его вскорѣ послѣ этого куда-то «сгинула», какъ говорили объ этой старухѣ.

— Може, и—гдѣ вмерла, а, може, и до Святыхъ пошла...

Богомольная была старуха и часто пѣшкомъ, съ котомкой за плечами, ходила и въ Львовъ, и въ Галичь, и въ Краковъ, и даже въ Кіевъ два раза побывала. Была Проева жена православная, но и католическихъ Святыхъ чтала. Ей-бы только церковка была, или икона, или Распятіе,—все равно она усердно молилась Единому Богу.

Была въ деревнѣ старуха Вулька, заблудшая старая овца откуда-то изъ Россіи. Но въ началѣ войны за нею пріѣхалъ сынъ ея, Гаврила Вулька, и увезъ мать свою подъ Черниговъ.

Жила въ деревнѣ еще бабушка-повитуха, по прозвищу «Кривая Магдалина», но наканунѣ пушечной канонады ушла въ деревню Большіе М..., гдѣ у нея жили сыновья, мастера-колесники.

Всѣ старики и старухи разбрелись изъ Меньшихъ М..., напуганные войною, и осталась въ деревнѣ только одна безымянная старуха, низенькая такая, сѣденькая, съ беззубымъ шепелявымъ ртомъ и съ крошечнымъ сухощавымъ лицомъ, на которое каждая жизненная невзгода долгихъ дней старухи наложила свою борозду: морщинистое было лицо у старухи. А въ старческихъ голубыхъ глазахъ ея всегда была какая-то бодрость, добродушіе и покой, нѣжность и любовь, отчего они и не утратили прежняго блеска.

Наши солдатики вначалѣ не поняли старухи и говорили о ней:

— Хи-и-итрая, бестія!..

А потомъ вдругъ всѣ стали называть ее «доброй бабушкой», а она называла москалей—«ясочками».

Выгнали наши войска артиллерійскимъ боемъ австрійцевъ изъ деревни Меньшіе М..., зажгли снарядами двѣ-три избы съ сараями и амбарами, и вступили въ улицу безлюдной деревушки. А на улицѣ—ни души! и во дворахъ—тихо, и избы опустѣли. Бродячь у двора куры съ пѣтухами, роются въ навозѣ да въ мусорѣ уличномъ и клюють себѣ, что Господь послалъ, а пѣтухи задирають головы кверху и во все горло орутъ, какъ будто и войны никакой нѣтъ.

Подходятъ наши отряды пѣхоты да конница къ первой горячей избѣ и видятъ—единственная старушка какая-то подоткнула подоль, и темный платокъ сползъ съ сѣдой головы на плечи, а сама она словно и не видитъ ни солдатъ съ ружьями, ни казаковъ съ пиками. Быстро семенитъ босыми ногами и бѣгаетъ отъ каменной кринички, что посреди деревни, къ горячей избѣ. Зачерпываетъ въ криничкѣ воду двумя ведрами, быстро подбѣгаетъ къ пылающей избѣ и заливаетъ обуглившійся уголь, плещетъ воду и въ окна съ потрескавшимися отъ жары стеклами, а сама тяжело дышетъ, потомъ обливается и все торопится.

— Да чего ты тутъ, бабушка, дѣлаешь?—окрикнулъ старуху офицеръ, подскакавши къ криничкѣ на ворономъ конѣ.

Остановилась старуха, поставила на землю ведра съ водою, вскинула лицо на офицера и съ большимъ недоумѣніемъ посмотрѣла въ его глаза.

— А якъ же-шь, паночку, бити?

Выкрикнула такъ, кратко, и побѣжала къ избѣ, и ну плескать водою въ окна. А внутри избы языки пламени, будто хозяйки-молодицы, обмываютъ и стѣны, и потолокъ, и полъ, и скамьи по угламъ струями огненными, какъ водой расплавленной.

Заставилъ офицеръ солдатъ тушить догорающую избу, а казаки унеслись къ другимъ горящимъ избамъ и тамъ принялись тушить расхолодившійся огонь.

Порѣшила старуха отдохнуть послѣ работы, присѣла на камень возлѣ кринички и потъ съ лица утираетъ концами платка, а сама ласково поглядываетъ на солдатъ и шепчетъ:

— Добрые москали... ай, добрые москали... ясочки мои!..

Разгоряченные работой у огня, солдаты захотѣли было попить воды изъ кринички, припали ртами къ краямъ ведеръ, а старуха какъ соскочить съ камня да какъ закричить:

— Ай-ай!.. ясочки мои... Брудна тая вода!.. Бо аустрiяки какое-то зеліе пональывали...

Поблагодарили солдаты старуху за предупрежденіе отъ гибели, а старуха сбѣгала въ сосѣдную хату и принесла въ большомъ кувшинѣ воды чистой и не отравленной.

Съ этого вотъ всѣ солдаты и стали звать старуху «доброй бабушкой».

— Да какъ же ты одна-то тутъ осталась?—спрашивали ее.

— А ноги мои вельми гудуть,—отвѣчала бабушка, жалуясь на свои старческія ноги.—Якъ ночь приде, и гудуть, и гудуть... ажъ, Боже мой, якъ гудуть...

— И не страшно тебѣ, одной-то?

— А чего-жь мнѣ бояться?.. А Святые угодники!.. А Іезусъ Христось... Эге!..

И палець старческій подняла старуха къ небу, пока говорила.

И была въ этой бабушкѣ какая-то своя непоколебимая вѣра въ благополучіе. Семьдесятъ лѣтъ прожила бабушка на свѣтѣ и привыкла къ всякимъ страхамъ, и жизнь эту научилась цѣнить по-своему, и къ смерти относилась, какъ къ чему-то такому, что уже давно-бы должно прійти къ ней и закрыть навсегда ея усталые глаза, и уши, слышавшія всякихъ всячинъ, оглушить навсегда, и ноги съ руками, усталыя, гудящія отъ немочей, навсегда успокоить...

Когда, къ ночи, солдаты порѣшили передохнуть въ теплыхъ хатахъ, добрая бабушка сама водила ихъ по деревнѣ и указывала, въ какой хатѣ удобнѣе будетъ переночевать—спокойнѣе и теплѣе. Привела она солдатъ и во дворъ богатѣя-лавочника Ицки Фрума и показала на большія полѣнницы дровъ, и сказала, что самое наилучшее будетъ, если солдаты у него возьмутъ дрова для своихъ солдатскихъ кухонь. При этомъ старуха добавила, поглядывая на офицера и ласково ему улыбаясь:

— Бо Ицка изъ лѣса прійде... бенде ласковы, паночку, дать ейному жиду якіе-то корбованци... а не корбованци, то гроши... якъ хоче, пане ласковий...

Гдѣ и какъ провела старуха ночь—объ этомъ никто не зналъ. Поутру она раненко, появилась на улицѣ и первому же встрѣчному солдату выпалила:

— А ще я кажу, пане москале... аустрійць прійде!..

— А гдѣ австрійцы?—встрепенулся солдатъ.

— А у той балки, ще за лѣскомъ!—указала старуха куда-то за деревню:—Бридній блоті... якъ по галицки зовеся...

Но на этотъ разъ бабушка запоздала съ своимъ предостереженіемъ. Ночью казачьи патрули не дремали и еще до зари донесли своему начальству о томъ, что значительный отрядъ пѣхотныхъ австрійцевъ придвинулся къ деревнѣ и укрѣпился за лѣсомъ, и впереди лѣса, вдоль холма, вырыли широкой дугой новые окопы.

Добрая бабушка немало удивилась, когда увидѣла, что успѣли сдѣлать русскіе солдаты за ночь въ томъ концѣ деревни, который ближе къ непріятельскимъ окопамъ. За ночь русскіе успѣли обложить деревню линіей своихъ окоповъ, прорубили дыры въ бревенчатыхъ стѣнахъ амбаровъ и сараевъ крайнихъ въ деревнѣ усадебъ, укрѣпились за заборами и тыномъ, и даже на крышахъ избъ и сараевъ устроили себѣ бойницы и залегли и засѣли, поджидая непріятели.

Когда начался бой, бабушка не спряталась. Бродила она по улицѣ, заходила во дворы, гдѣ укрѣпились солдаты, выходила за деревню къ окопамъ, и, прикрывъ ладонью глаза сверху отъ лучей яркаго солнца, смотрѣла въ сторону непріятельскихъ окоповъ и повторяла:

— А Боже-жъ мій!.. Якая сила!.. Якая сила!..

И крестилась истово, и кланялась въ сторону креста, горѣвшаго въ лучахъ утренняго солнца на далекой кровлѣ костела въ селеніи Большіе М... Послѣ обѣда, когда бой превратился въ какую-то адскую музыку грохота снарядовъ, свиста и шипѣнья пуль и шрапнелей,—бабушка бѣгала отъ патронныхъ ящичковъ къ окопамъ и носила въ передникѣ пачки патроновъ. И офицеры, и солдаты дивились безстрашію доброй бабушки. Семенить она старческими ногами, бѣгаетъ и хотьбы что, хоть-бы разъ отшатнулась отъ свистящей пули или присѣла, слыша надъ головою грохотъ взорвавшейся шрапнели. Бѣгаетъ по открытому мѣсту и концы передника крѣпко держитъ въ рукахъ, и

носятся съ патронами, и не устают. А то къ избамъ или сараямъ подбѣжить, вскарабкается какъ-то до крыши и сунетъ стрѣлку пачку патроновъ, и другому, и третьему сунетъ по пачкѣ и опять бѣжить къ патроннымъ ящикамъ за новыми пачками.

— Да уходи ты, бабушка... Убьютъ!—кричатъ ей солдаты.

— И-и-и... ясочки мои... убіе—такъ убіе...

И опять бѣжала туда, куда звала ее старая, закаленная жизнью безстрашная душа. Только частенько крестилась и бормотала:

— Іезусъ!.. Марія!..

Офицеры силой задержали бабушку въ окопѣ:

— Посиди немного... отдохни,—говорили ей.

Садилась старуха на сырую землю, тяжело дышала, и, подперевъ рукою старческой обострившійся подбородокъ, глядѣла на стрѣлковъ и шептала:

— Ясочки вы мои... ясочки!..

Когда, къ вечеру, наша пѣхота, подкрѣпленная артиллеріей и гусарами, выбила непріятели изъ окоповъ и съ криками атаки отбросила австрійцевъ далеко за болото и очистила деревню,—старуха осталась одна. Съѣла на камушекъ около окоповъ и, глядя на продолжавшійся бой за болотомъ, шептала:

— Ясочки вы мои!.. Ясочки вы мои!..

Потомъ долго ходила по полю, глядѣла на убитыхъ, крестилась, взмахивала руками кверху и выкрикивала:

— Іезусъ-Марія!.. Ще же это?..

Наклонялась къ убитымъ ниже, комкала въ рукахъ платокъ, смоченный слезами, качала головою и шептала:

— Ясочки мои!.. Іезусъ-Марія...

Въ сумракѣ вечера натолкнулась добрая бабушка на раненаго русскаго солдатика, прислушалась—дышетъ солдатикъ... На колѣни встала около тяжело раненаго, окликнула его:

— Ясочка, мій милый!..

Шептали что-то запекшіяся блѣдныя губы раненаго, но не раскрывалъ онъ глазъ, и блѣдное лицо его все больше и больше бѣлѣло: красными струями уходила кровь изъ раздробленныхъ и оторванныхъ ногъ юнаго безусаго солдатика.

— Глянь же-шь на мене, ясочка мій... глянь же-шь!..—молила старуха.

Но не раскрывались глаза раненаго: не видѣлъ онъ свѣта.

— Якъ же ты, мій ясочка, зовеся?.. Якій же угодникъ Божій тебя оберегае?..

Но губы раненаго перестали шептать что-то: не отвѣчалъ онъ бабушкѣ и не слышалъ ея ласковаго голоса.

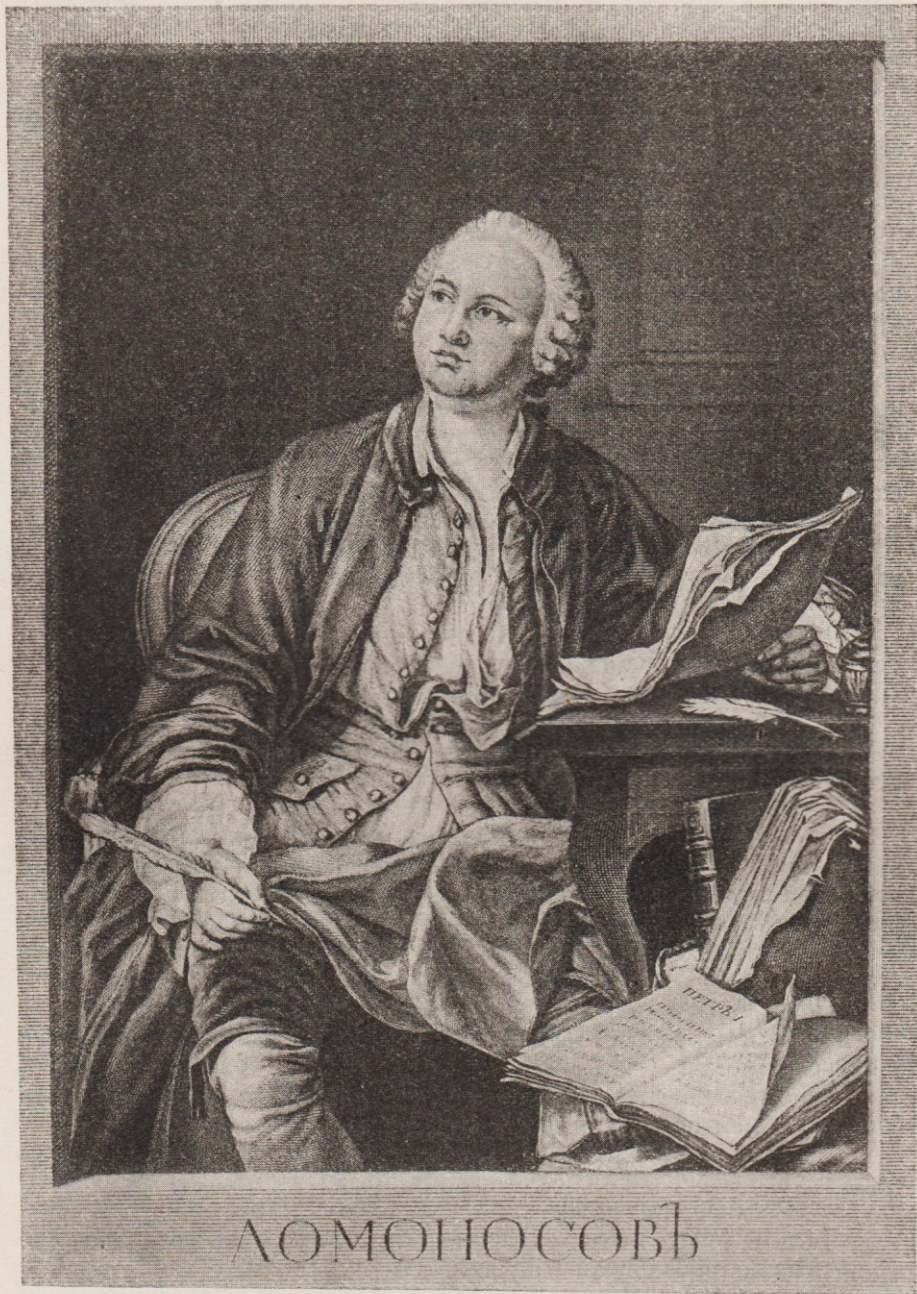
Присѣла на землю добрая бабушка около неизвѣстнаго солдатика, голову его положила себѣ на колѣни и такъ сидѣла долго, шепча:

— Ясочка, мій милый!..

Такъ и умеръ неизвѣстный солдатикъ, склонивъ голову на колѣни неизвѣстной доброй бабушки.

Пришла ночь. Умолкли вдали за лѣсомъ залпы ружейные и взрывы шрапнелей. Загорѣлись въ небѣ звѣзды и свѣтили до утра неугасимыми лампадами. Кто-то зажегъ ихъ тамъ въ вышинѣ... Кто-то и загаситъ ихъ, когда придетъ часъ утра...

В. Брусянинъ.

Къ 150-лѣтію со дня смерти.

Великая жизнь.

Очеркъ Н. Д. Носкова.

Нѣтъ, кажется, другого имени, другой жизни, такъ знаемыхъ, такъ прочно вошедшихъ въ наше сознание, какъ имя и жизнь Михаила Васильевича Ломоносова.

Ломоносовъ—это не столько имя собственное, сколько символъ; вся повѣсть его жизни—это прообразъ того гениальнаго размаха, на который способенъ русскій народъ. Напрасно думаютъ, что Ломоносовъ—потревоженная тѣнь нашего прошлаго,—старины далекой. Въ этомъ прошломъ все еще таится завязь будущаго, открытая, но еще не вполне выявленная тайна тѣхъ великихъ возможностей и достижений, какія таятъ глубинные слои русскаго народа. Въ образѣ «мужика» Ломоносова, ставшаго всевѣтной знаменитостью, русскій народъ только намекалъ, только робко впервые высказался о своихъ великихъ силахъ.

Ломоносовскіе дни—далеки. Полтораста лѣтъ отдѣляютъ уже насъ отъ ихъ конца, больше чѣмъ двѣсти лѣтъ отъ ихъ начала, но тотъ же фактъ остается непрекаемымъ фактомъ дѣйствительности: съ тѣмъ же великимъ трудомъ, какъ въ дни Ломоносова, русскій народъ выводитъ изъ своихъ бездонныхъ глубинъ своихъ дѣятелей. Все еще пути къ знанію «кухаркину сыну» заказаны, все еще источникъ знанія есть для него не необходимость первая, а послѣдняя роскошь.

Только утая свое истинное, крестьянское происхождение, выдавъ себя за внука дьяконскаго, что и было на самомъ дѣлѣ (со стороны матери), Ломоносову удалось приобщиться къ зачаткамъ знанія.

А если-бы не удалось? Если-бы невинный подлогъ, граничащій съ сокрытіемъ изъ подушнаго оклада, былъ узанъ до того, какъ Ломоносовъ заявилъ о себѣ,—вѣдь, могло-бы выйти нѣчто не героическое, а скверное. «Числящемуся въ бѣгахъ», ученому долго приходилось отрицаться отъ своего званія, не потому что Ломоносовъ когда-либо гнушался своего крестьянскаго происхожденія, но потому, что это «подлое», для того времени, званіе закрывало всѣ пути, всѣ возможности той, другой, жизни, на путь которой онъ уже вступилъ. Характерно тутъ раздвоеніе теоріи и практики, исключенности для одного того, что было закономъ для миллионъ. «Числящійся въ бѣгахъ», Ломоносовъ давно и для всѣхъ былъ открытой тайной; его числили въ бѣгахъ и посылали за-границу, брали изморомъ въ Академіи, но только онъ самъ, своею личностью, своими способностями заставилъ великую тайну обратить въ простую полицейскую. Ее свели на нѣтъ послѣ, добродушно прикрывъ возведеніемъ Ломоносова на первую ступень іерархической лѣстницы—табели о рангахъ. Разсуждали просто, по обычаемъ простаго времени: «одинъ бѣглый изъ подушнаго оклада не принесетъ Россійской казнѣ чувствительнаго огорченія, одинъ, самозванно, ненарокомъ прикоснувшійся къ горнымъ вершинамъ знанія изъ подлой массы, не послужитъ ей примѣромъ. Этотъ *одинъ* оказался счастливецемъ среди миллионъ несчастливцевъ, ибо онъ былъ не рядовой, а выходящій изъ ряда вонъ, отмѣченный свыше печатью особой. О томъ, что за нимъ могутъ идти другіе, о томъ, что они должны идти, свидѣтельствуя громко о красотѣ и духовномъ богатствѣ народа—еще тогда не разсуждали вовсе. Исключенію дѣлалось только исключеніе; рядовые же подводились подъ общую мѣрку. А эта мѣрка была долго все та же: образование—роскошь для сѣрыхъ сермягъ и доступъ открытъ къ нему лишь для привилегированныхъ. Ломоносовъ своимъ появленіемъ опровергъ тщету старой мудрости, но даже и его примѣръ не создалъ новой. На великолѣпномъ саркофагѣ, сооруженномъ на могилѣ великаго русскаго ученаго, его другъ и меценатъ, графъ Воронцовъ, «славя отечество съ таковымъ гражданномъ», вольно или неволью, но умолчалъ вовсе о крестьянскомъ происхожденіи Ломоносова. «Бывшій статскій совѣтникъ» затмилъ прошлое крестьянство въ глазахъ его соболѣзнователя.

Сынъ крестьянина, самоучка явился первымъ въ Россіи и единственнымъ; знатнымъ украшеніемъ отечества сталъ незнатный; худородный взялъ у знатнаго лавры въ области мысли; тотъ, которому судьба предназначала быть послѣднимъ, вдругъ сдѣлался первымъ и наибольшимъ.

Вся многокрасочная жизнь перваго русскаго ученаго—едина въ своемъ устремленіи. Все одно и все къ одному, стремленіе къ неизбывному солнцу истины. Ощупью, блуждая впотьмахъ, онъ шелъ на встрѣчу этому солнцу: изъ Холмогоръ въ Москву, изъ Москвы въ Кіевъ, оттуда снова въ Москву—все за тѣмъ же—за свѣтомъ. Изъ тиши своей лабораторіи, отъ уединенныхъ трудовъ, озаренныхъ творческой мыслью, онъ идетъ въ шумъ и гулъ толпы, прививая къ ней зачатки любимаго знанія, вѣря въ его великую пользу. «Химія—моя жизнь», говорилъ онъ о своей

любимой наукѣ, но вынужденно и безропотно, изъ своей области, гдѣ онъ былъ полноправнымъ творцомъ, онъ шель въ чуждыя области, ибо это *нужно для другихъ*. Отрекаясь, во имя этой необходимости, отъ своего «я», онъ гордо несъ его предъ толпой, радуя за ту науку, которая дала смыслъ и озареніе всей жизни. Химикъ, физикъ, поэтъ, историкъ, драматургъ, художникъ, положившій начало въ Россіи мозаичному искусству, онъ работаетъ во всѣхъ областяхъ. Онъ и популяризаторъ науки, и переводчикъ, и профессоръ, всюду онъ—ибо безъ него нѣтъ никого, ибо только у него горячность въ трудѣ, вѣра въ его необходимость, подвижническая къ нему любовь. Основаніе ея—любовь къ Россіи, желаніе видѣть ее благоденствующей и счастливой. И первая завѣтная ступень этого благоденствія покоится на просвѣщеніи народныхъ массъ, на борьбѣ съ тьмой, ихъ одолѣвающей. Желаніе, до сихъ поръ еще не исполненное. Второе желаніе—процвѣтаніе науки въ Россіи—желаніе, также опередившее вѣка. Россія, ея народъ, ея языкъ—все это равно близко широкой душѣ Ломоносова. Въ пору полнаго равнодушія къ живому русскому языку, считавшемуся языкомъ черни и обиходныхъ будней, онъ уже возславилъ его, провидя его будущее. Онъ нашелъ въ немъ великолѣпіе, живость, крѣпость, нѣжность, богатство и силу и краткость, достойные языка великаго народа. И когда ему возражали, что русскій языкъ безсиленъ выразить научныя выраженія и термины, онъ съ гордой увѣренностью отвѣчалъ:

— Ежели чего точно изобразить не можемъ, не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуетъ.

Все въ немъ сочеталось такъ ярко и выпукло: огромный умъ и огромная энергія, великая трудоспособность и терпѣніе, смѣлость инициативы и почина, закаленность въ борьбѣ и желаніе ея всюду. Онъ зналъ себѣ цѣну, ибо сознавалъ, что онъ одинъ въ полѣ воинъ среди малодушествующихъ лѣнтяевъ, раболѣпныхъ льстецовъ и прожигающихъ безцѣльно жизнь.

Наша современная научная критика, только недавно подошедшая къ переоцѣнкѣ научныхъ трудовъ Ломоносова, должна была признать, что русскій великій ученый не только стоялъ на ряду тогдашнихъ двигателей науки, но и во многомъ опережалъ свой вѣкъ и его понятія. Какъ дѣятель на нивѣ просвѣщенія, Ломоносовъ принесъ русскому обществу такой безцѣнный даръ, какой совѣмъ не могъ быть оцѣненъ его современниками. Отъ него и черезъ него, подвигнутый Шуваловъ, въ памятный Татьянинъ день, положилъ основаніе первому русскому университету въ Москвѣ. А его борьба съ суевѣрами, оспаривавшими пользу наукъ, призывавшими гнѣвъ Божій на изслѣдователей тайнъ природы? Эта пламенная защита науки «отъ варваровъ», относившихся даже къ системѣ Коперника какъ къ ереси, защита, полная благороднаго мужества и огня, свидѣлствуетъ о той безмѣрной преданности ей, которой былъ полонъ всегда Ломоносовъ. Это была въ полномъ смыслѣ борьба рыцаря за свою прекрасную, равной которой онъ не только не зналъ, но и о равенствѣ съ которой и помыслить не смѣлъ; даже свое стихотворство онъ относилъ къ области «утѣхъ», считалъ не главнымъ. За него онъ стяжалъ первые лавры, черезъ него получилъ славу. Наука, еще чуждая даже верхамъ, приносила лишь одни огорченія: интриговали противъ него академики-чужестранцы, и онъ вступалъ въ рукопашный бой съ нѣмецкими засильниками, не щадя и доморощенныхъ академическихъ неучей. Борьба не была плодотворной: она лишь отвлекала, а не закаляла силы, нужныя для другой борьбы. И нѣтъ ничего удивительнаго, что богатырь по виду, человекъ желѣзнаго здоровья и энергіи, Ломоносовъ рано погнулся, состарѣлся, одряхлѣлъ. Предъ собой онъ не видѣлъ никого: одна пустыня разстилалась; за собой онъ не видѣлъ прямыхъ своихъ продолжателей. И самъ онъ былъ только допущенной знаменитостью, но не осознанной новой силой новой полосы. Старика, разумомъ и науками превосходнаго, наградили чиномъ статскаго совѣтника и пенсіей, и искренно вѣрили, что такой наградой *почти ли* совершенно заслуги того, кто изъ ничего сталъ всѣмъ.

Среди толпы титулованной бездарности, гению Ломоносова долго не находилось подобающаго мѣста. Оно нашлось для него уже много лѣтъ спустя, когда онъ лежалъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры подъ великолѣпнымъ бѣломраморнымъ саркофагомъ. Забыты его недруги и друзья, память о нихъ исчезла, а съ гравированнаго портрета съ гордо поднятыми вверхъ глазами глядятъ на насъ знакомыя черты знакомаго лица, и молодостью вѣетъ отъ всей ломоносовской фигуры, словно говорящей:

— Россіи «надобенъ человекъ, который изобрѣтаетъ умѣетъ, то еще больше надобенъ, кто учитъ мастеръ».

Старыя слова, находящія полный отзвукъ и въ нашемъ новомъ.

Ник. Носковъ.

У вратъ двухъ царствъ.

Очеркъ Н. Дмитриева.

У вратъ древняго Кракова—старой столицы свободной нѣкогда Польши, и у вратъ древняго Константинополя, обращеннаго турками въ Стамбуль, уже стоятъ наши и союзныя войска. Великія событія великой эпопеи медленно, но неуклонно развертываются передъ нами. Тяжело перевертывается дописанная страница исторіи и замѣняется новой.

Старый Краковъ для поляковъ то же, что Москва для насъ, русскихъ: городъ не только преданій, не только первопрестольная столица бывшаго польскаго королевства, но и центръ польской образованности. Краковъ, еще въ дни самостоятельной Польши, какъ политическаго цѣлага, уступилъ первое мѣсто Варшавѣ. Раздѣлъ Польши оставилъ Варшаву въ предѣлахъ Россіи и отдѣлилъ ее австрійской границей отъ Кракова. Но это раздѣленіе еще больше усилило значеніе Кракова въ глазахъ поляковъ. Онъ сталъ реликвіей, святыней былого. Въ немъ схоронено великое прошлое. Отъ стараго Вавеля и собора Святого Вацлава вѣтъ грустью объ этомъ прошломъ. Но грусть о минувшемъ безъ вѣры въ грядущее есть признакъ старости, увяданья. И Вавель, и краковскій соборъ Св. Вацлава являлись бы только нѣмыми реликвіями старины, если бы на почвѣ ушедшаго не всходили и не цвѣли цвѣты надеждъ на будущее. Въ краковскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ польскими королями, спитъ вѣчнымъ сномъ король польской поэзіи—Мицкевичъ, но дѣйственно еще слово его, еще зажигаетъ оно польскія сердца, его грезы о лучшихъ дняхъ Польши.

Недаромъ же другой польскій писатель—Крашевскій—писалъ:

«Нѣтъ во всемъ мірѣ храма, гдѣ, какъ въ соборѣ Св. Вацлава въ Краковѣ, ежегодно, изо дня въ день, сотни и тысячи людей, если не словами, то мысленно, возносили бы къ небу одну и ту же молитву:—Боже, спаси отчизну, дай лучшее будущее родинѣ!»

Это «лучшее будущее» понималось всѣми одинаково: «дай, Боже, Польшѣ свободу!». Старый Вавель являлся не мавзолеемъ прошлаго, не пантеономъ ушедшихъ надеждъ, но мѣстомъ, гдѣ именно мечталось и вѣрилось, что, рано или поздно, но польскія мечты претворятся въ дѣло... Но никогда самыя пылкія мечты польскихъ патриотовъ не предвидѣли совершающагося. Не во имя разрушенія польской столицы и польскихъ надеждъ обложила Краковъ миллионная рать. Съ Волги, съ Оки, со степной русской равнины, съ далекаго сѣвера и юга, изъ сибирской тайги и съ полей Царства Польскаго собрана эта рать, пришедшая брать австрійскій Краковъ и возстановить Польшу. Происходитъ нѣчто необычайное въ лѣтописяхъ прошлаго, и новый фундаментъ отношеній народовъ крѣпитъ новое. Положеніе, въ которое поставлены поляки всѣмъ ходомъ событій, тяжкое. Раздѣленные между двумя воюющими сторонами они, волею судьбы, должны сражаться другъ противъ друга, сражаться не во имя свободы Польши, а во имя интересовъ государствъ, съ которыми польскій народъ связали не добровольныя узы. Самые эти интересы диаметрально противоположны, какъ и весь укладъ жизни польскаго народа въ трехъ воюющихъ государствахъ. Австрійскіе поляки добились максимума гражданскихъ и политическихъ правъ, но они не добились признанія за польскими землями самостоятельнаго значенія. Краковская республика не долго просуществовала подъ охраной Австріи и обратилась, вмѣстѣ съ Галичиной и польскими землями, въ одну область—Галицію. Положеніе поляковъ въ Познани долго имъ не давало никакихъ иллюзій. Начавшаяся война обнаружила новые факты: полную лояльность польскаго народа, оставшагося вѣрнымъ тѣмъ государственнымъ началамъ, подъ которыя поставила ихъ судьба. Русская Польша приняла на свою грудь всю тяжесть ударовъ войны. Теперь очередь наступать за Польшей австрійской, земля которой обогрена кровью и дымомъ сраженій. Въ союзѣ воюющихъ сторонъ принимаютъ участіе поляки, но не принимаетъ Польша, какъ цѣлое. Ея еще нѣтъ, ибо она явится какъ слѣдствіе, но не какъ причина настоящей войны. Годы испытаній и бѣдствій охладили пылкія иллюзіи польскаго народа, охладили безудержный пылъ юности и подмѣнили трезвой дѣйствительностью недавнія мечты. За несоотвѣтствіе этихъ мечтаній съ дѣйствительностью, польскій народъ получилъ слишкомъ тяжелую расплату. Зрѣлый опытъ замѣнилъ у него пылъ юности, ея безудержную отвагу. Наоборотъ, юные народы, едва приобщившіеся къ политической самостоятельности, безъ учета своихъ силъ, готовы осуществлять свои мечты. Крошечная, едва оперившаяся Греція уже готова претендовать на Константинополь, который ей принадлежитъ по праву выморочнаго наслѣдства. Болгарія, едва начавшая свою жизнь,

как самостоятельная единица, также готова прибить щитъ Кобурга рядомъ со щитомъ Олега. Несоотвѣтствіе этихъ претензій съ реальными силами свойственно именно юношескому возрасту. Россія въ семидесятыхъ годахъ опасалась занять Константинополь. Но опасенія Россіи ничто для Греціи и Болгаріи. Они чужды имъ, ибо дерзанія, не оправданныя достижениями, ихъ не волнуютъ и не страшатъ. Страха они не знаютъ, не потому, что они храбры, но потому, что безразсудство не есть храбрость. Болгарія почти дошла до стѣнъ Константинополя въ свою послѣднюю побѣдную войну, и у ней есть хотя бы слабая тѣнь надежды, что она могла бы овладѣть Константинополемъ. Но достаточно того, что произошло недавно на Балканскомъ полуостровѣ, когда счастливая Болгарія была въ преддверіи великаго города, чтобы свидѣтельствовать о шаткости болгарскихъ дерзаній. У Греціи нѣтъ даже тѣни и такихъ переживаній. У нея, какъ у прогорѣвшаго богача, есть одни послѣдній ударъ еле-еле живому трупу. У Константинополя не нашлось защитниковъ, и изъ тысячи тысячъ только единицы шли на стѣны, отстаивая въ неравной борьбѣ Царьградъ. Онъ палъ не подъ ударами турокъ, но потому, что дряблая, изжившая себя, Византія давно, цѣлыми десятилѣтіями и вѣками подготавливала такое паденіе.

Константинополь—дверь изъ Азіи въ Европу—былъ открытъ настезь, и нѣтъ ничего удивительнаго, если турки пришли сквозь эту открытую дверь и стали хозяевами на томъ самомъ Балканскомъ полуостровѣ, на которомъ утратило давно всякое вліяніе государство-мумія, захоронившаяся отъ всего живого—недобрый памятникъ Византіи. Возстановленіе *былого* Царьграда, съ его былыми мелочностью, тщеславіемъ, огромнымъ самолюбіемъ и себялюбіемъ, врядъ-ли кому можетъ улыбаться. Царьградъ—святыня прошлаго, но Царьградъ въ то же самое время и символъ отрицанія всякихъ святынь: воплощеніе великаго искусства въ его Святой Софіи и позорная память о политиканствѣ и интригахъ, рьяныхъ спорахъ о буквѣ и догмѣ и о полномъ равнодушіи къ духу религіи, народа и государства. Яркій свѣтильникъ, въ которомъ выгорѣло масло. Свѣточъ Европы на рубежѣ Азіи, обращенный въ чадающій костеръ.

Прошлое не повторяется. Возмездіемъ ему, его искупленіемъ—было взятіе Царьграда турками, ихъ пятивѣковое владѣніе «ключомъ міра», единственнымъ по своему географическому положенію городомъ, которому выпала на долю такая огромная роль: быть центромъ міровыхъ отношеній. Византія свела эту роль къ нулю. Турція сблизила Стамбуль съ Азіей и загасила въ немъ послѣдніе очаги культурной жизни. Но цѣну обладанія имъ, какъ свободнымъ выходомъ изъ Азіи въ Европу, Турція хорошо знала. Укрѣпленія Дарданелль и Босфора—единственныя отмѣтки строительства турокъ за всѣ почти пять вѣковъ. Все остальное только приспособлено ими, изувѣчено или носитъ остатки *былого*, грубо прикрытаго позднѣйшими надстройками, какъ храмъ Святой Софіи, гдѣ на извести стѣнъ еще видны старыя письмена и изображенія. Все носитъ характеръ принужденія, засилья, и ничто не говоритъ о творчествѣ самихъ османовъ. Объ ихъ пятивѣковомъ владычествѣ ничто не скажетъ вскорѣ же, когда надъ куполомъ Святой Софіи вмѣсто полумѣсяца засіяетъ крестъ, когда пришлые гости уйдутъ, и въ разоренномъ домѣ водворится миръ. Этого мира не знала ни Византія—символь бывшихъ интригъ, клеузъ и мелкихъ распрей,—ни Турція, расположившись въ Константинополѣ, словно въ лагерь, до водворенія на зимній квартиры. Константинополь походилъ и при тѣхъ и другихъ на взбудораженный муравейникъ, который покинули работники, и гдѣ остались одни трупы. Нѣкогда генуезцы-наемники отстаивали Константинополь отъ турокъ. Теперь нѣмцы крупповскими чудовищами прикрываютъ турокъ отъ союзныхъ дѣйствій Европы. Четыре съ половиной вѣка назадъ и теперь—безъ измѣненій. Одно начало и—конецъ одинъ.

Ник. Дмитріевъ.

Отзывчивость русской деревни.

Война и трезвость вызвали деревню къ интенсивной жизни. Можетъ быть, никогда еще деревня не жила такой жизнью, не проявляла столько энергии и интереса къ событіямъ переживаемаго времени, какъ въ настоящее время.

Условія жизни русскаго народа сложились исторически такъ, что въ горѣ и страданіяхъ ближняго онъ никогда не отдалялъ себя, всегда былъ за одно съ нимъ, и если душа ближняго болѣла и страдала,—мучалась и изнывала въ скорбяхъ душа всего русскаго народа. Нигдѣ, ни въ одномъ государствѣ взаимопомощь такъ не развита, нигдѣ она такъ плотно не спаяна цѣпью содружества, какъ у насъ въ Россіи. Отсюда община, «помочи» всевозможнаго рода, на югѣ—«толока», «супрага» и проч.

Неудивительно поэтому, что къ такому великому бѣдствію, какъ война, деревня отозвалась такъ дружно, и пожертвованія на нужды военного времени такъ щедро посыпались буквально со всѣхъ сторонъ.

Нѣтъ деревни, хотя-бы самой незначительной, откуда-бы не ушелъ на войну сынъ, братъ, мужъ, отецъ, нѣтъ такого угла, куда не проникли-бы вопли и стоны больныхъ и искалѣченныхъ. Надвинулись тучи, гроза загрохотала и—

...Нивы убогія скрыла великая тѣнь.

Вдругъ поднимаются гордыя, строгія,

Духомъ высокія, силою многія

Дѣти твоихъ деревень.

Вдругъ безъ конца, безъ предѣла, неожиданныя

Деньги рѣкой потекли.

Жертвуютъ крестьяне въ одиночку, жертвуютъ цѣлыми обществами; приходятъ на помощь кооперативы. Въ Черниговской губерніи 27-ю кооперативами и 2-мя ссудо-сберегательными товариществами было ассигновано для оказанія помощи семьямъ призванныхъ на войну 5.698 руб. Остальные кооперативы, не опредѣляя той или иной суммы для помощи семьямъ призванныхъ на войну, дѣлили ассигновки на ту же надобность путемъ ежемѣсячнаго расходования определенной суммы, отчисленія процентовъ изъ чистой прибыли, обложенія каждаго члена товарищества извѣстной суммой и проч.

Жертвуютъ не однимъ русскимъ воинамъ; холявинскій волостной сходъ пожертвовалъ 1.000 руб. польскимъ крестьянамъ, пострадавшимъ отъ войны, 500 руб.—Сербіи, 1.200 руб.—Бельгіи.

Нѣтъ въ уѣздѣ ни одного волостного схода, который не откликнулся-бы пожертвованіемъ на нужды войны, жертвуя для этого тысячами, и чѣмъ больше война затягивается, тѣмъ въ большихъ суммахъ начали жертвовать наши волостные сходы.

Интенсивная помощь деревни жертвамъ войны вылилась въ огромную, подавляющую своимъ величіемъ и мощью активную силу. И сила эта не только не ослабѣваетъ, а съ каждымъ днемъ почти растетъ и ширится.

Пожертвованія изъ деревень хлѣбомъ, вещами и деньгами поступаютъ въ общей сложности въ огромномъ количествѣ.

Чутко и внимательно крестьяне прислушиваются къ тому, что происходитъ на театрѣ мировыхъ событій. Побѣды нашихъ войскъ сопровождаются манифестациями. Для деревни это явленіе совершенно новое. Въ с. Богдановкѣ, Таврической губ., изъ четырехъ мѣстныхъ школъ вышли дѣти, съ русскими и союзными флагами въ рукахъ; по пути пѣли гимны. Масса крестьянъ и крестьянокъ приняла участіе въ манифестации. Около каждаго дома, изъ семьи котораго есть убитые на войнѣ воины, процессія останавливалась и пѣла вѣчную память.

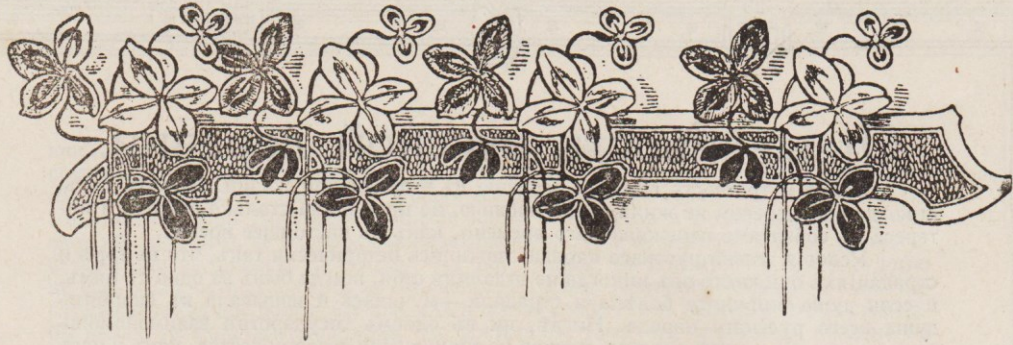
Плачь и рыданія оглашали воздухъ.

На нѣкоторыхъ сходахъ—въ с. Петровкѣ и др.—состоялись постановленія объ увѣковѣченіи памяти павшихъ на войнѣ сельчанъ помѣщеніемъ въ волостномъ правленіи досокъ съ ихъ фамиліями, а также портретовъ отличившихся въ бояхъ.

Таково въ общихъ, чисто схематическихъ чертахъ то, что проявлено и проявляется русской деревней, ея сѣрымъ обывателемъ въ отношеніи войны и несомымъ ею бѣдствіямъ и страданіямъ человѣчества. Не все дѣлается достойнымъ печати, а слѣдовательно, и общества. Но та великая сила, которая исходитъ отъ деревни, ея мощные порывы, не могутъ не чувствоваться, не могутъ не сознаваться всей Россіей, отъ края и до края, и если-бы у насъ совсѣмъ отсутствовала печать—и тогда-бы трепеть души русскаго народа не заглохъ-бы, не растаялъ и не исчезъ-бы безслѣдно.

Велика сила переживаній, велика и могуча душа русскаго народа!

Н. Степаненко.

СОДЕРЖАНИЕ.

Выпускъ восьмой.

	Стр.
Колыбельная. Стихотвореніе Г. Казарова	247
Слѣпой. Стихотвореніе А. Балагина	249
Христосъ. Стихотвореніе И. Гриневской	250
Въ разоренномъ селеніи. Стих. Валеріана Ф.	250
Затменіе. Разсказъ Евгенія Чирикова	251
Божій міръ. Стихотвореніе С. Дрожжина	262
Да будетъ воля Твоя. Разсказъ О. Д. Орликъ	263
Донъ-Кихоть. Стихотвореніе Л. Андрусона	269
Добрая бабушка. Разсказъ В. Грусянина	270
Великая жизнь. (Памяти Ломоносова). Очеркъ Н. Д. Носкова	275
У вратъ двухъ царствъ. Очеркъ Н. Дмитриева	277
Отзывчивость русской деревни. Очеркъ Н. Степаненко	279

КАРТИНЫ. 1. Въ стилѣ Вато. Картина, исполненная красками С. Постильона. 2. Надоѣла. Автотипія съ картины А. Маковского. 3. Нимфа. Автотипія съ картины Ф. Прадилла.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА РОСКОШНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ КРЫШКИ

— для журнала „Пробужденіе“ 1915 г. —

Двѣ изящныхъ крышки, для перваго и втораго полугодія, изготовленныя изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ красивыми рельефными тисненіями золотомъ и красками. Цѣна 1 рубль, съ пересылкой въ Европейской Россіи 1 р. 50 коп.

— Съ наложеніемъ платежа не высылаются. —

Деньги и заявленія должны быть высланы не позднѣе 1-го октября, такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ работы переплетной будутъ уже закончены, и начнется разсылка исполненныхъ заказовъ.

Петроградъ, Невскій пр., 114. Редакція журнала „Пробужденіе“.

Редакторъ-издатель Н. В. Корецкій

226/91/831
M
54-30

1915 г. Продолжается подписка на 1915 г. 10-й годъ изданія
на двухнедѣльный,

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
съ картинами въ краскахъ

ПРОБУЖДЕНІЕ

Гг. подписчики получаютъ въ теченіе 1915 года:

24 РОСКОШНЫХЪ ВЫПУСКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО И НАУЧНАГО ЖУРНАЛА „ПРОБУЖДЕНІЕ“.

50 ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ КАРТИНЪ: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, портреты и друг.

12 КНИГЪ, ВЪ 3-ХЪ ПЕРЕПЛЕТАХЪ СЪ ЗОЛОТЫМЪ ТИСНЕНИЕМЪ, ЮБИЛЕЙНАГО ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти) **М. И. МИХАЙЛОВА.**
Книги романовъ, рассказовъ, стихотвореній и друг.

ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ УКРАШЕНІЯ ГОСТИНОЙ:
1. **АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ** въ стиль Людовика XVI-го. Картина на атласъ Буше.
2. **ПОСЛЪ ТАНЦА.** Изящный стѣнный рельефъ художника Годварда.

Два украшенія столовой комнаты:
ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Дикія утки“. Художникъ: Ел. Магюръ и Ф. Эрая. Красивая имитация рельефныхъ бронзов. фигуръ.
ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Морскіе окуни“.

ИЗЯЩНЫЯ УКРАШЕНІЯ КАБИНЕТА:
Дѣвушка съ голубями. ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ художника Ш. Шаплень. Размѣръ 47×68 сант.
Стильный японскій альбомъ съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ золотыхъ украшеній.

Роскошная стѣнная картина въ краскахъ
знаменитаго итальян. худож. **СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!** работы пост. Дв. Е. И. Велич. Голикъ и Вильб.
ГЕРЦОНИ. Размѣръ 62×80 сант.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія „Пробужденія“ будетъ выдана въ концѣ года
ЗНАМЕНИТАЯ АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ
извѣстнаго художника **ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ** Размѣръ картины 63×88 с.
Ф. Лефлера.

Подписная цѣна: на первое полугодіе 4 руб., на второе 6 руб., на 3 мѣсяца 2 руб., на три мѣсяца 2 р. 50 коп. На меньшіе сроки подписка не принимается. За границу 12 руб.

Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114.
Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.
Цѣна отдѣльнаго № журнала 40 коп.